

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»

Кафедра профессиональной иноязычной подготовки

ДОПУЩЕНА К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой

теории и практики германских языков

_____ Е. В. Булатая

«15» мая 2024 г.

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИНЦИПА ИРОНИИ В РАМКАХ БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ч. ДИККЕНСА «БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ»)

Специальность 1-21 06 01 Современные иностранные языки (по направлениям), направление специальности: 1-21 06 01-01 Современные иностранные языки (преподавание), специализация 1-21 06 01-01 02 Страноведение

Студент группы СИЯ-51 _____

М. С. Якубович

Руководитель _____

Ж. Б. Манкевич

Барановичи 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

РЕФЕРАТ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1 ИРОНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ ПАРАДИГМЫ.....	11
1.1 Термин «ирония» и его соотношение со смежными языковыми явлениями.....	11
1.1.2 Виды и функции иронии в языке.....	18
1.2 Средства и способы реализации иронии в языке.....	21
1.3 Подходы и теории изучения феномена иронии.....	27
1.3.1 Ирония в художественном тексте.....	32
Выводы по главе 1.....	35
ГЛАВА 2 СЕМИОСФЕРА ИРОНИИ В БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ.....	36
2.1 Функционирование иронии в рамках британского дискурса.....	36
2.2 Реализация иронии в романе Ч. Диккенса «Большие надежды»... Выводы по главе 2	38 49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	50
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	52
ПРИЛОЖЕНИЯ	

РЕФЕРАТ

Дипломная работа: 59 страниц, 12 рис., 69 лит. источников, 3 приложения (на 21 странице).

ИРОНИЯ, САТИРА, ЮМОР, БРИТАНСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА, СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ, ПРИНЦИП ВЕЖЛИВОСТИ.

Объект исследования — феномен иронии в англоязычном дискурсе.

Предмет исследования — специфика феномена иронии в романе Чарльза Диккенса «Большие надежды».

Цель исследования — выявление принципов функционирования и средств реализации иронии в романе Чарльза Диккенса «Большие надежды».

Задачи исследования:

1. Выяснить сущность понятия «ирония» и ее отличие от смежных понятий.
2. Рассмотреть феномен иронии в философском, лингвистическом и лингвокультурологическом планах.
3. Изучить особенности реализации принципа иронии в англоязычном дискурсе на примере романа Ч. Диккенса.

Методы исследования: метод сплошной выборки, дискурс-анализ, контекстуальный анализ.

В ходе анализа лингвистического материала на предмет специфики характера иронии были приняты во внимание как традиционный, так и современный подходы к изучению данного феномена.

Научная новизна исследования: особенности феномена иронии изучались на материале романа Ч. Диккенса «Большие надежды» (“*Great Expectations*”). Подобных исследований нами ранее не было обнаружено.

В ходе написания работы в результате проведённого анализа были выявлены различные способы реализации иронии в тексте, а также выявлены механизмы психологической защиты представителей различных социальных классов Британии.

Практическая значимость исследования. Материалы исследования могут быть использованы в качестве дополнительного материала в курсах по лексикологии, теоретической грамматике английского языка, теории и практике перевода, семантике, стилистике, при написании курсовых и дипломных работ по соответствующей проблематике на факультетах иностранных языков вузов, а также в практике обучения английскому языку.

Автор подтверждает, что приведенный в работе расчетно-аналитический материал правильно и объективно отражает состояние исследуемого процесса, а все заимствованные из литературных и других источников теоретические, методологические и методические положения и концепции сопровождаются ссылками на их авторов.

(подпись студента)

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество живёт в эпоху постмодерна, которая характеризуется наличием различных объектов юмора и насмешки, отсутствием серьёзного взгляда на некоторые вещи, как это не было принято во времена модерна. Основой такого мировоззрения является ирония относительно всего: ценностей, традиций и идеалов. По мнению К. М. Шилихиной, ирония играет немаловажную роль в развитии непрямой коммуникации [1, с. 57].

Ирония является объектом исследования лингвистов уже достаточно долгий период времени. Большое количество работ посвящено классификации видов иронии, её функций и сопоставление со смежными лингвистическими понятиями (И. А. Шаронов, А. И. Наумова, И. Саниева, Рейчел Гиора, Джеймс Э. Махон); особое внимание уделяется анализу функционирования иронии в художественном дискурсе (Е. С. Готовцева, Н. Г. Филимонова, Е. И. Крылова, Д. И. Кшичковская, К. А. Воробёва, Е. В. Булатая, З. А. Заврумов, О. Л. Морова, Ю. А. Фокеева, Н. С. Зинченко); ирония рассматривается в качестве средства межкультурной коммуникации (А. А. Горностаева) и изучается специфика просодического формления (звучащей речи) иронии в различных коммуникативных культурах (О. А. Ликинова, А. С. Баханович). Все вышеописанные исследования основаны на современном подходе, который не устанавливает иронию в качестве «инструмента» манипуляции и украшения речи и позволяет рассматривать иронию не только на «поверхностном» уровне [2, с. 28].

Тем не менее, даже в традиционном подходе не существует однозначной трактовки понятия ирония. Так, И. Р. Гальперин утверждает, что *“Irony is a stylistic device also based on the simultaneous realization of two logical meanings — dictionary and contextual, but the two meanings stood in opposition to each other”* [3]. Отечественный исследователь А. С. Баханович приводит собственную трактовку понятия «ирония»: «...ирония — это прагмалингвистический феномен, состоящий в непрямом языковом выражении продуцентом своего отношения к объекту иронии, основанный на нарушении семантической целостности высказывания, контрасте отрицательного номинативного значения и псевдоположительного высказывания» [4, с. 145-150].

Не смотря на более широкий круг научных исследований в рамках современного подхода, по мнению К. М. Шилихиной всё еще преобладают теории традиционного видения иронии [1, с. 57]. Тем не менее, развитие лингвистической прагматики и когнитивной лингвистики, появление компьютерной лингвистики вызвали появление интереса к иронии. Исходя из

вышеизложенных фактов тему нашего исследования следует считать **актуальной**.

Объектом нашего исследования является феномен иронии в англоязычном дискурсе.

Предмет исследования — специфика феномена иронии в романе Чарльза Диккенса «Большие надежды».

Цель исследования — выявление принципов функционирования и средств реализации иронии в романе Чарльза Диккенса «Большие надежды».

Задачи исследования:

1. Выяснить сущность понятия «ирония» и ее отличие от смежных понятий.
2. Рассмотреть феномен иронии в философском, лингвистическом и лингвокультурологическом планах.
3. Изучить особенности реализации принципа иронии в англоязычном дискурсе на примере романа Ч. Диккенса «Большие надежды»..

Методы исследования: метод сплошной выборки, дискурс-анализ, контекстуальный анализ.

Научная новизна исследования: феномен иронии изучался на материале романа Ч. Диккенса «Большие надежды» (“*Great Expectations*”). Подобных исследований нами ранее не было обнаружено.

Теоретическая значимость исследования. Работа вносит некоторый вклад в теорию стилистики, а именно представление о различных способах изучения и выражения иронии, раскрывает связь иронии со смежными лингвистическими терминами; вносит вклад в теорию перевода иронических выражений с английского на русский язык.

Практическая значимость исследования. Материалы исследования могут быть использованы в качестве дополнительного материала в курсах по лексикологии, теоретической грамматике английского языка, теории и практике перевода, семантике, стилистике, при написании курсовых и дипломных работ по соответствующей проблематике на факультетах иностранных языков вузов, а также в практике обучения английскому языку, обучения межкультурной коммуникации.

Материалом исследования послужил роман британского писателя Ч. Диккенса «Большие надежды» (“*Great Expectations*”) общим объёмом 443 страницы.

Лингвистическая выборка составила 120 примеров, содержащих иронический контент.

Апробация результатов: о материалах исследования докладывалось на следующих конференциях:

1. XV Республиканская студенческая научно-практическая конференция «Вопросы германской филологии и методики обучения иностранным языкам» (г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина, 24.04.2020).
2. I Международная научно-практическая конференция «Наука-Практике» (г. Барановичи, БарГУ, 15.05.2020).
3. Научно-практическая конференция «Сучасні тенденції соціально-гуманітарного розвитку України та світу» (Украина, 23.07.2020).
4. I Международная научно-практическая конференция «Векторы инновационного развития» (г. Барановичи, БарГУ, 11.12.2020).
5. II Международная научно-практическая конференция «Наука-Практике» (г. Барановичи, БарГУ, 13.05.2021).
6. XIV студенческий научный форум — 2022 (Российская Федерация, январь 2022).
7. IV International scientific and practical conference “Science, practice and theory” (Япония, Токио, 1-4.02.2022).
8. Международная научно-практическая конференция «Вопросы современной науки: новые достижения (Issues of modern science: new achievements)» (Болгария, г. София, 14.02.2022).
9. VI Международная научно-практическая конференция молодых исследователей «Альфа-2022» (г. Гродно, ГрГУ им. Янки Купалы, 17.02.2022).
10. Международная студенческая научно-практическая конференция «Студент и наука (гуманитарный цикл)» (Российская Федерация, г. Магнитогорск, март 2022).
11. Международная научная студенческая конференция «Иностранные языки и современный мир» (г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина, 15.04.2022).
12. Научно-практическая конференция «Современные вызовы в науке и образовании» на английском языке (г. Барановичи, БарГУ, 27.04.2022).
13. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лингвистики и правовой контроль коммуникации» (г. Витебск, Витебский филиал Международного университета «МИТСО», 26-28.04.2022).
14. VI Международная молодёжная научно-практическая конференция «Молодёжь и наука: слово, текст, личность. К 90-летию УлГПУ им. И. Н. Ульянова» (Российская Федерация, г. Ульяновск, 12-13.05.2022).
15. Международная научно-практическая конференция «Теоретические и практические аспекты развития современной науке (Theoretical and practical aspects of the development of modern science)» (Молдавия, г. Кишинев, 13.03.2023).

16. XXXII Международная научно-практическая конференция «Академическая наука — проблемы и достижения» (Индия, г. Бангалор, 13-14 июня 2023 г.).

17. V. Барановичский научно-образовательный форум «Новатор-2023» (г. Барановичи, БарГУ, 19.10.2023).

18. V Международная научно-практическая конференция «Наука-Практике» (г. Барановичи, БарГУ, 17.05.2024).

Имеются следующие публикации:

1. Якубович, М. С. Вежливая ирония как феномен англоязычной культуры / М. С. Якубович // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов (выпуск 24) : сб. ст. / Факультет международных отношений Белорус. гос. ун-та ; под общ. ред. В. Г. Шадурского. — Минск, изд. «Четыре четверти», 2020. — С. 433-435.

2. Якубович, М. С. Английская ирония как способ отражения действительности / М. С. Якубович // Вопросы германской филологии и методики обучения иностранным языкам : материалы XV республикан. студенч. научн.-практ. конф., Брест, 24 апреля 2020 г. / Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина ; под общ. ред. И. В. Повх. — Брест : БрГУ имени А. С. Пушкина, 2020. — С.83-85.

3. Якубович, М. С. Ирония как способ отображения действительности в английском диалоге / М. С. Якубович, Ж. Б. Манкевич // НАУКА-ПРАКТИКЕ : материалы I Международ. научн.-практ. конф., Барановичи, 15 мая 2020 г. / Баранович. гос. ун-т ; редкол.: В. В. Климук [и др.]. — Барановичи : БарГУ, 2020 г. — С. 294-296.

4. Якубович, М. С. Особенности экстралингвистического выражения иронии в британской культуре / М. С. Якубович, Ж. Б. Манкевич // Соціально-гуманітарний вісник : сб. ст. ; редкол.: П. З. Кучин [и др.]. — Харьков : СГ НТМ «Новий курс», 2020 г. — С. 80-82.

5. Манкевич, Ж. Б. Психологические особенности иронического поведения британцев XIX— XX веков / Ж. Б. Манкевич, М. С. Якубович // Векторы инновационного развития : материалы I Международной научн.-практ. конф., Барановичи, 11 декабря 2020 г. / Баранович. гос. ун-т. ; редкол.: В. В. Климук [и др.]. — Барановичи : БарГУ, 2020 г. — С. 170-171.

6. Якубович, М. С. Ирония и сарказм в практике межкультурного общения / М. С. Якубович // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов (выпуск 25) : сб. ст. / Факультет международных отношений Белорус. гос. ун-та ; под общ. ред. В. Г. Шадурского. — Минск, изд. «Четыре четверти», 2021. — С. 441-443.

7. Якубович, М. С. Основная интонационная характеристика английского сарказма / М. С. Якубович // НАУКА-ПРАКТИКЕ : материалы II

Международ. научн.-практ. конф., Барановичи, 13 мая 2021 г. / Баранович. гос. ун-т ; редкол.: В. В. Климук [и др.]. — Барановичи : БарГУ, 2021 г. — С. 96-97.

8. Якубович, М. С. Анализ содержания иронических высказываний и их представление как конфликта идеального и реального (на материале английского языка) / М. С. Якубович, Ж. Б. Манкевич // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов (выпуск 26) : сб. ст. / Факультет международных отношений Белорус. гос. ун-та ; под общ. ред. Е. А. Достанко. — Минск, изд. «Четыре четверти», 2021. — С. 412-414.

9. Якубович, М. С. Проблема иронического подтекста и реализация его в произведениях Джона Голсуорси / М. С. Якубович // Актуальные проблемы филологии (выпуск 14) : сб. ст. / Гомельск. гос. ун-т. им. Франциска Скорины; редкол.: Е. Л. Хазанова [и др.]. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021 г. — С. 133-138.

10. Якубович, М. С. Самоирония как компонент иронии в произведениях англоязычных авторов / М. С. Якубович // Материалы XIV Международ. студенч. научн. конф. «Студенческий научный форум». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2022/article/2018030509>. — Дата доступа: 07.05.2023.

11. Манкевич, Ж. Б. Особенности феномена иронии в британской, русской и белорусской языковых картинах мира / Ж. Б. Манкевич, М. С. Якубович // Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference “Science, practice and theory”, Tokyo, Japan, February 1 – 4, 2022 / Editorial board: Pluzhnik Elena [and others]. — Tokyo, Japan, 2022. — P. 450-455.

12. Якубович, М. С. Речевые жанры английской иронии / М. С. Якубович // Вопросы современной науки: новые достижения (Issues of modern science: new achievements) : материалы Международ. научн.-практ. конф., София, Болгария, 14 февраля 2022 г. / Редкол.: А. И. Вострецов. — научн.-изд. центр «Мир науки», 2022 г. — С. 79-83.

13. Якубович, М. С. Ирония как импозиция и её взаимосвязь с теорией «сохранения лица» (на материале английского языка) / М. С. Якубович // Альфа-2021: сб. науч. статей V Международ. научн.-практ. интернет-конф. молод. исслед., Гродно, 17 февраля 2022 г. / Гродненск. гос. ун-т. им. Янки Купалы ; редкол.: И. Н. Кавинкина [и др.]. — Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2022 г. — С. 342-345.

14. Якубович, М. С. Ирония противоположности (противопоставления) в английской литературе эпохи XIX века / М. С. Якубович // Студент и наука (гуманитарный цикл) — 2022: материалы Международ. студенч. научн.-практ. конф., Магнитогорск, март 2022 г. /

Магнитогорск. гос. тех. ун-т им. Г. И. Носова : редкол.: А. Г. Иванов [и др.]. — Магнитогорск : ФГБОУ ВПО «МГТУ», 2022 г. — С. 773-777.

15. Якубович, М. С. The Mechanism of Irony as a Phenomenon of Language Play. Transmission of Language Play in Translation / М. С. Якубович // Иностранные языки и современный мир : сб. материалов Междунар. науч. конф. студентов, Брест, 15 апреля 2022 г. / Брест. гос. ун-т. имени А. С. Пушкина ; редкол.: Л. М. Максимук [и др.]. — Брест : БрГУ, 2022. — С. 392-395.

16. Якубович, М. С. Реализация иронического смысла в художественном дискурсе посредством субъективно-оценочной модальности / М.С. Якубович, Ж. Б. Манкевич // Лингвистика в диалоге с другими областями знаний: юрислингвистика и дискурсивная лингвистика, коммуникативная лингвистика и лингвокультурология : сб. ст. / ВФ УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”» ; редкол.: В. А. Маслова [и др.]. — Витебск, 2022 г. — С. 73-77.

17. Yakubovich, M. S. British irony vs Russian and Belarusian ones / M. S. Yakubovich, Zh. B. Mankevich // Modern challenges in science and education = Современные вызовы в науке и образовании : материалы I науч.-практ. конф., Барановичи, 29 апреля 2022 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Баранович. гос. ун-т ; редкол.: В. В. Климук (гл.ред). — Барановичи : БарГУ, 2021. — С. 56.

18. Якубович, М. С. Частеречное наполнение и структура иронических высказываний в русском и английском языках / М. С. Якубович // Молодежь и наука: слово, текст, личность. К 90-летию юбилею УлГПУ им. И.Н. Ульянова : материалы VI Международ. молодежной научн-практ. конф., Ульяновск, 12-13 мая 2022 г. / Ульяновск. гос. пед. ун-т. им. И. Н. Ульянова ; ответ. ред. Ю. А. Лобина. — Ульяновск : УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2022 г. — С. 175-177.

19. Якубович, М. С. Языковая игра как теория порождения принципа иронии (на материале английского языка) / М. С. Якубович // Теоретические и практические аспекты современной науки (Theoretical and practical aspects of the development of modern science) : материалы Международ. научн-практ. конф., Кишинев, Молдавия, 13 марта 2023 г. / Редкол.: А. И. Вострецов. — научн.-изд. центр «Мир науки», 2023 г. — С. 36-41.

20. Якубович, М. С. Гендерный аспект реализации иронии в англоязычном тексте / М. С. Якубович, Ж. Б. Манкевич // Академическая наука — проблемы и достижения : материалы XXXII Междунар. науч. конф., Бангалор, Индия, 13-14 июня 2023 г. / Редкол.: авторск. ред. — Pothi.com, 2023. — С. 187-191.

21. Якубович, М. С. Ирония ребенка vs ирония взрослого человека в романе Ч. Диккенса «Большие надежды» / М. С. Якубович // Новатор-2023 : материалы V Барановичского науч.-образ. форума, Барановичи, 19 окт. 2023. : в 2 ч. / Баранович. гос. ун-т. ; редкол.: В. В. Климук (гл. ред.) [и др.]. — Барановичи, 2023. — Ч. 2. — С. 284-286.

22. Манкевич, Ж. Б. Проблема понятия иронии: современный подход / Ж. Б. Манкевич, М. С. Якубович // НАУКА-ПРАКТИКЕ : материалы V Международ. науч.-практ. конф., Барановичи, 17 мая 2024 г. — отправлено в печать.

ГЛАВА 1

ИРОНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ ПАРАДИГМЫ

1.1 Термин «ирония» и его соотношение со смежными языковыми явлениями

Как утверждают многие специалисты в области функционирования языка (О. П. Ермакова, Ю. В. Каменская, В. М. Пивоев и другие) [5] анализ художественного дискурса и иноязычной культуры не представляется возможным без таких терминов как ирония, контрадикт, противопоставление и т.п. [6]. Это проявляется в большом интересе к творческой функции языка [7, с. 9]. Однако на современном этапе не существует единого подхода к термину «ирония». Это объясняется наличием различных методов исследования принципа иронии (на основе разного языкового материала) и расхождением данного понятия на две категории, которые можно представить в следующей схеме (рис. 1.1.1) [5]:

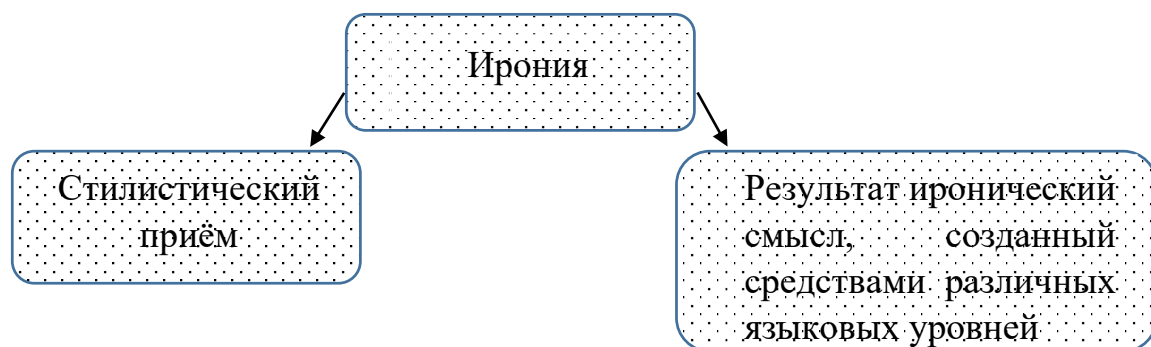

Рисунок 1.1.1 — Категории понятия «ирония»

Несмотря на существенные различия между представленными категориями, следует отметить, что ирония является важной чертой речевой деятельности человека [8, с. 79-83]. Данный вид деятельности (как разновидность целенаправленного поведения коммуниканта) представляет собой процесс реализации мысли в слове [9, с. 342-345], что и отражается в трактовках понятия «иронии» различными авторами.

О. С. Ахманова в словаре лингвистических терминов даёт следующее определение иронии: «Троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки, нарочито облечённой в форму положительной характеристики или восхваления» [6]. О. С. Ахманова заостряет внимание на двух терминах: «значение» и «смысл» [6]. Само содержание слова (которое выражается с помощью лингвистических средств) противопоставляется так называемой «контекстной ситуации»

(ситуация общения, контекст, который не выполняет дифференциальную функцию) [6].

Противоположность значений также выделил И. Р. Гальперин: “*Irony is a stylistic device also based on the simultaneous realization of two logical meanings — dictionary and contextual, but the two meanings stood in opposition to each other*” [3]. И. В. Арнольд считает, что «ирония — это выражение насмешки путём употребления слова в значении, прямо противоположном его основному значению и с прямо противоположными коннотациями, за которыми в действительности стоит порицание» [10].

Особый интерес представляет мнение отечественных исследователей. А. Б. Щуцкий в учебном пособии «О книгах, авторах и многом другом» приходит к выводу, что “*Irony — is a SD based on simultaneous realization of the meanings: the literal meaning is the opposite of the intended meaning, used in ridicule (насмешка) or humour. (e.g. Nice weather, isn't it? [Said on a rainy day])*” [11, с. 67]. А. С. Баханович привела свою трактовку понятия иронии: «...ирония — это прагмалингвистический феномен, состоящий в непрямом языковом выражении продуцентом своего отношения к объекту иронии, основанный на нарушении семантической целостности высказывания, контрасте отрицательного номинативного значения и псевдоположительного высказывания» [4, с. 145-150].

Особое внимание следует обратить на точку зрения англоязычных исследователей. Рейчел Гиора в книге “*The Oxford Handbook of Lying*” приводит следующее понятие иронии, основываясь на нетрадиционном (нелексическом подходе): “...*irony...is viewed as conveying or implicating the opposite or near opposite of what is explicitly communicated*” [12]. Никола Споторно и Айра Новек в пособии “*The Oxford Handbook of Experimental Semantics and Pragmatics*” утверждают, что “*Irony is a compelling pragmatic phenomenon to investigate experimentally because it clearly exposes how an utterance's meaning can change as a function of context...*” [13]. Лингвист Жанна Фанесток (*Emeritus University of Maryland*) считает, что иронию и антифразис можно отнести к «лингвистической паре»: “...*irony, which requires cues of intention for construal, has a partner in the more easily decoded antiphrasis (the same category of deliberate 'misstatements')*” [14]. Бригитта Буш в журнале “*Applied Linguistics*” отмечает, что “...*irony, and playing with contradictions are opportunities for shifting and transgressing, in which opposites ultimately are allowed to retain their contradictoriness*” [15]. Философскую точку зрения на понятие иронии привёл Джеймс Эдвин Махон. В работе “*Classical Philosophical Approaches to Lying and Deception*” исследователь указал пример «Сократовской» иронии: “...*what he says is true in one sense, even if it is false in another*” [16].

Как можно заметить, русско- и англоязычные (зарубежные) исследователи выделяют главную характеристику иронии — противоположность контекстуального смысла прямому значению сказанного. И. Саниева разделяет смысл и значение как два разных понятия. Данное противопоставление у И. Р. Гальперина тождественно словарному и контекстуальному значению [6]. Разграничение данных значений, предложенное И. Саниевой, мы продемонстрируем в следующей схеме (рис. 1.1.2):

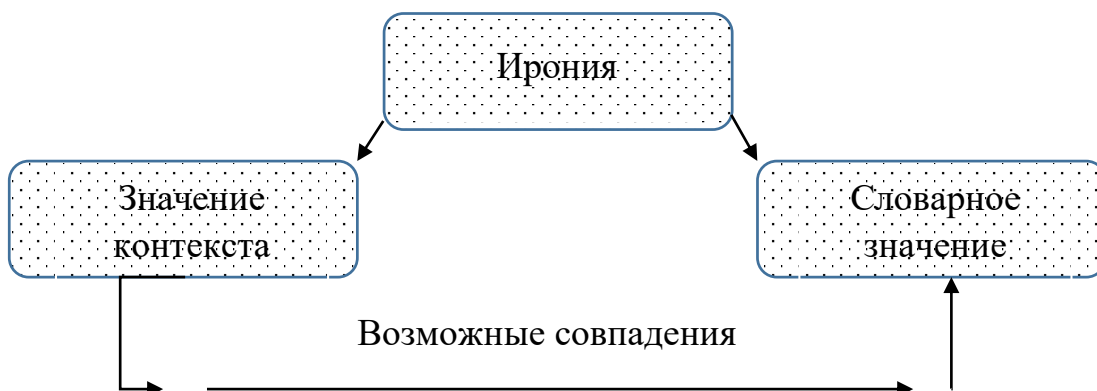

Рисунок 1.1.2 — Схема разграничения значений иронии

Учитывая важность двух значений для проведения исследования, а также возможные совпадения контекстуального и словарного значения в тексте, мы руководствуемся определением иронии, которое предложил И. Р. Гальперин.

Лингвистические исследования категорий иронии всегда базируются на знаниях из смежных наук, таких как стилистика, психология, история культуры, философия и т.д. Однако Н. С. Зинченко в работе «Ирония как многоаспектный феномен: методологические основы анализа художественного дискурса» утверждает, что методология из вышеупомянутых дисциплин существенно сужает предмет исследования [17]. Зачастую иронию рассматривают именно как стилистический троп, что позволяет сравнить его со смежными стилистическими явлениями и терминами.

Мы немного отойдём от традиционного сравнения иронии и юмора и начнём с сугубо стилистического явления: метафора. О. П. Ермакова находит 6 черт смежности иронии и метафоры [18]:

1. Наличие явления небуквальности, выражающегося в нарушении истинности высказывания. Однако стоит учитывать, что коммуникант, знающий значения всех коннотаций в диалоге, не сможет распознать иронию.

2. Метафора и ирония обладают оценочным суждением. Это связано с наличием отрицательной оценки. Однако следует учитывать, что у метафоры оценка связана с буквальным употреблением коннотации, а в иронии нет определённой оценки.

3. Обе стилистические фигуры образны. Отмечается также, что и ирония, и метафора эту образность могут терять.

4. Метафора и ирония могут выходить за пределы лексического и синтаксического уровней и занять пространство уровня текста.

5. Оба тропа могут порождать новые значения лексем. Однако иронии это свойственно меньше всего в силу наличия такой черты как энантиосемии.

6. Метафора и ирония многоаспектны и обладают коммуникативно чертой. Но для распознавания иронии требуются специальные средства как в письменной, так и в устной речи.

Ранее мы уже упоминали исследователя Жанну Фанесток и её анализ так называемой «лингвистической пары» — антифразис и ирония [14]. Данная смежность понятий связана с общей для них характеристикой: энантиосемии — способность лексем либо одной морфемы выражать антонимические значения (внутрисловная антонимия) [19]. А. Д. Шмелёв утверждает, что при энантиосемии ирония употребляется в диахроническом аспекте [20, с. 67-95]. Данное «переворачивание смысла» позволяет нам соотнести иронию и антонимию. Приведём классификацию антонимии И. А. Шаронова и кратко охарактеризуем её (рис.1.1.3) [21]:

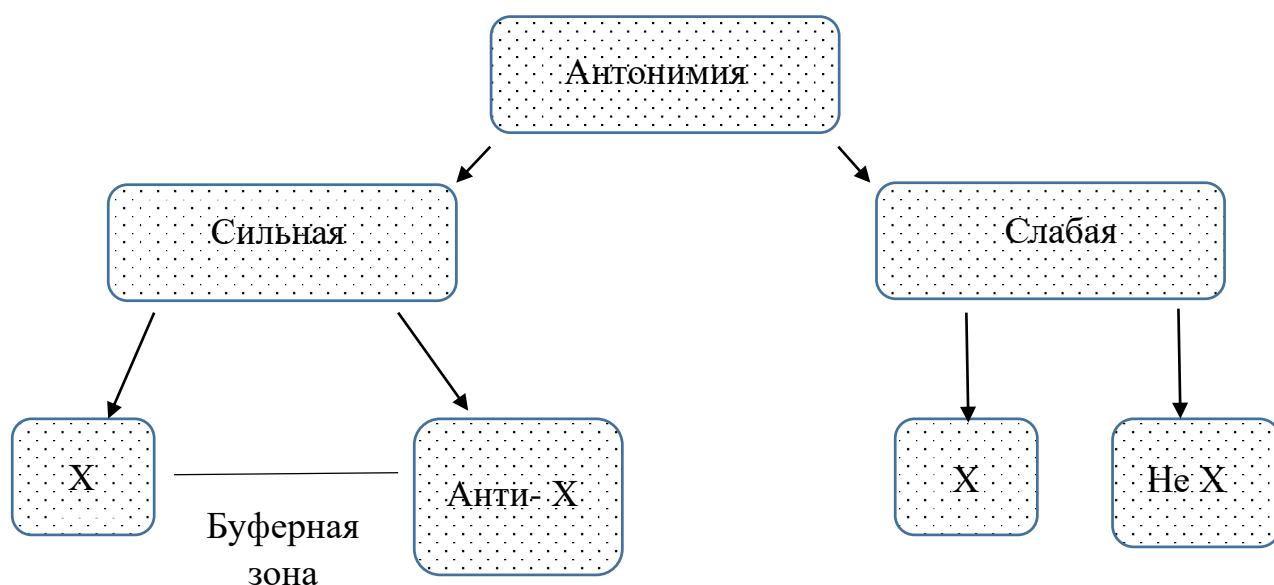

Рисунок 1.1.3 — Классификация антонимии

Сильная антонимия проявляется в лексемах одной системы с предельным проявлением качества (X и анти-X). Такие лексемы называются контрастными (например, *хороший/плохой*) [21]. Слабая антонимия не имеет буферной зоны, так как лексемы просто отрицают друг друга (*плохой/неплохой*) [21]. Стоит учитывать, что ирония использует и сильную, и слабую антонимию, функционируя как открытый замысел коммуниканта и отражающегося в следующей формуле: «Я согласился+одобрил тебяпритворно+думаю о сказанном противоположное+ты наивен, имея такое мнение о чём-либо и надеюсь, что я думаю так же» [21].

2. Традиционно иронию связывают с комическим. Однако многие исследователи разграничивают иронию, сатиру и юмор. Если юмор и сатира представляют собой эстетическое отношение к действительности, то, по мнению Ю. Б. Борева, следует разграничить «чувство комического» и «добродушную насмешку» [22]. Последний критерий позволяет отнести юмор в составляющие смеха и отличать друг от друга сатиру и иронию [22]. Отметим, что, как и ирония, юмор обладает конфликтной чертой, которую выделила Е. В. Корабельникова: «одной из форм общения является юмор, но даже и он не лишён конфликта» [23]. Данную характеристику можно представить в виде следующей схемы (1.1.4):

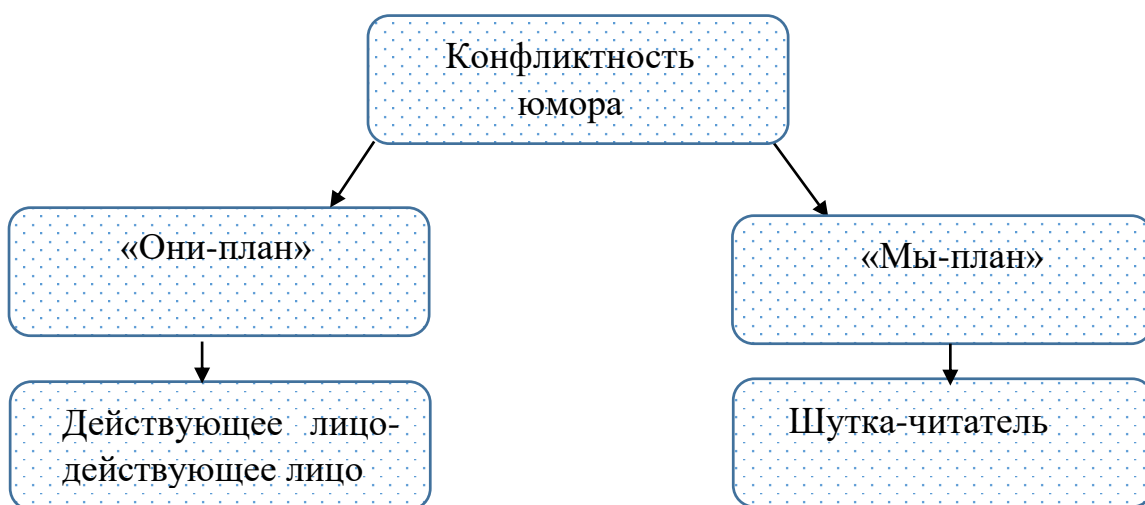

Рисунок 1.1.4 — Схема конфликтности юмора

Литературный энциклопедический словарь определяет сущность иронии, сатиры и юмора следующим образом: «В синкретическом смехе потенциально или в зачаточном виде заложены многие виды комического, обособляющие затем в ходе развития культуры. ...В иронии смешное скрывается под маской серьёзности, с преобладанием отрицательного отношения к предмету; ...Напротив, обличительный смех сатиры, предметом

которой служат пороки, отличается вполне определённым — отрицательным, изобличающим тоном оценки» [23; 24].

Зачастую иронию ставят рядом с другим стилистическим средством — сарказмом. По мнению М. С. Ваврешук «Сарказм — это разговорный приём, характеризующийся тем, что человек говорит противоположное тому, что имеет в виду» [25]. Иронию и сарказм можно отнести к составляющим юмора. Так, например, англичане утверждают, что им в жизни не хватает сарказма, но при этом им присущ интеллектуальный и, в тоже время, гротескный юмор [26, с. 441-443]. Более широкое представление об смежности иронии, юмора, сарказма и сатиры представлено у отечественных лингвистов. Так, например, П. П. Ткачёва привела следующее мнение И. Волкова: «Сатыру, гумар, іронію, сарказм І. Волкаў разглядае як тыпы мастацкага зместу. ...У сваім першапачатковым сэнсе іронія – не самі насмешлівыя адносіны да жыцця, а сродак, пры дапамозе якога гэтыя адносіны раскрываюцца. Такім чынам іронія – адзін з трапаў, як і сарказм. Іронія – прыхаваная насмешка, затаеная ў знеіне прыхільных выказваннях» [27, с. 92-96].

Такой же историчностью и конфликтностью, как и ирония, обладает такой литературоведческий термин как катарсис. Ирония и катарсис соотносятся и в эстетической, и в философских сферах. Но в отличие от иронии катарсис присутствует в тексте, если конфликт, оставаясь неразрешённым, не подавляет коммуниканта безысходностью [28]. По мнению М. О. Переясловой катарсис выявляется в особом характере конфликта, в крайне неблагоприятной противоположной, контекстной ситуации [28], что делает катарсис схожим с иронией [28]. Отметим, что таблица соотношения понятий приведена в приложении А.

Такое разнообразие подходов к смежным понятиям указывает на то, что в лингвистической парадигме ирония не обходится без контекста, а, следовательно, она является категорией дискурса [29, с. 49-51]. Это подтверждает наличие различных классификаций типов иронии.

Как указывалось ранее, лингвисты часто относят иронию к стилистическим тропам. На основе этого Д. К. Мюкке предлагает следующие типы иронии [30]:

- стилистическая (явная),
- концептуальная (скрытая).

Ю. В. Каменская переименовывает их в «контекстуальную» и «текстообразующую» [30]. В свою очередь О. П. Ермакова говорит о «вербализированной» и «текстовой» [30]. Д. И. Кшичковская также имеет свою точку зрения на типологию Д. К. Мюкке, указывая «ситуативную» и «ассоциативную» иронии [30]. Далее Д. И. Кшичковская указывает следующие уровни реализации ситуативной иронии [30]:

- лексический,
- синтаксический,
- микроконтекст/грамматический контекст,
- макроконтекст (предел абзаца).

Особое место в типологии иронии занимают авторская ирония и ирония персонажа. Авторская реализуется только на текстовом уровне, а ирония персонажа может быть разбита на собственную классификацию, которую представила К. А. Воробьева [31]:

- прямая ирония;
- косвенная ирония;
- взаимонаправленная ирония.

Прямая ирония направлена на коммуниканта и может быть представлена в виде схемы, где А — субъект, а В — объект иронии (рис. 1.1.5) [31]:

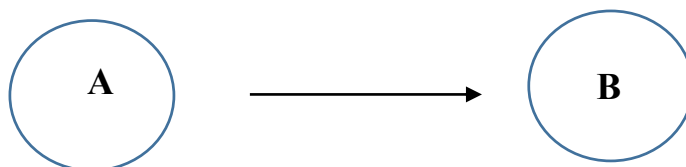

Рисунок 1.1.5 — Схема прямой иронии

Косвенная ирония направлена на третьих лиц и может быть представлена в виде схемы, где А — субъект, В — объект иронии, а С — объект иронии (рис.1.1.6) [31]:

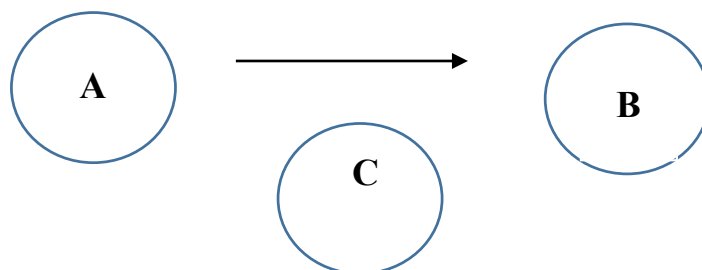

Рисунок 1.1.6 — Схема косвенной иронии

Взаимонаправленная ирония представляет собой совокупность первых двух типов, но реализуется в одном речевом акте и может быть представлена в виде схемы. На рисунке коммуниканты поочередно являются и объектом, и субъектом иронии (рис. 1.1.7) [31]:

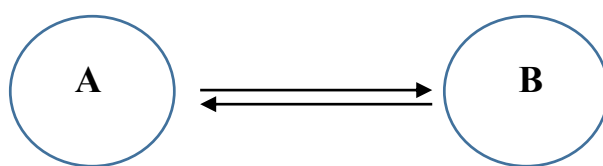

Рисунок 1.1.7 — Схема взаимонаправленной иронии

На следующем рисунке коммуниканты обмениваются ролями (рис.1.1.8) [31]:

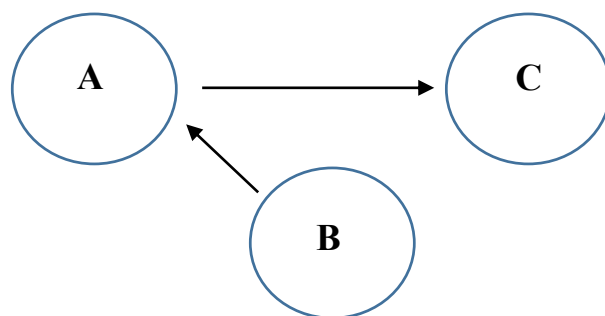

Рисунок 1.1.8 — Схема взаимонаправленной иронии (обмен ролями)

Таким образом, на сегодняшний момент существует многообразие различных дефиниций иронии, однако во всех присутствует разделение на контекстуальное и реальное значения, что также влияет на типологию данного лингвистического явления. Более подробно рассмотрим виды и функции иронии.

1.1.2 Виды и функции иронии в языке

Каждый язык и языковая культура имеет сложности передачи и функционирования иронии. Отдельный интерес вызывают различные классификации видов иронии [32].

А. И. Наумова и О. А. Шутова выделяют следующие виды иронии [32]:

- простая (прямая);
- анти ирония;
- самоирония.

Простая ирония подразумевает собой средство принижения, придание отрицательной оценки коммуниканту и явлению; антиирония — это синоним недооценённости, а самоирония — вид иронии, направленный на субъект иронизации [10].

Л. М. Беляева и Т. А. Зражевская выделяют такие виды иронии, как [32]:

- письменная ирония;
- лингвистическая ирония;
- морфологическая и грамматическая иронии.

К письменной иронии относятся ударение, паузы, тембр, средства выражения эмоций; лингвистическая ирония выражается посредством различных стилистических средств языка, а последний вид иронии образуется путём функционирования эмоционально-экспрессивных слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами [32].

Свою точку зрения на классификацию видов иронии имеет А. Ф. Лосев, выделяя [32]:

- мягкую / добродушную иронию;
- насмешливую иронию (объекту иронии приписывается определённая черта);
- сарказм (о взаимосвязи иронии с сарказмом см. параграф 1.1).

3. В зависимости от контекста В. М. Пивоев, И. А. Осинская и А. А. Горностаева выделяют [33, с. 109-110] имплицитный и эксплицитный виды иронии.

В. М. Пивоев описывал данные виды иронии следующим образом: «имплицитная ирония та, в которой разум преобладает над чувствами; эксплицитная ирония...та, в которой чувства довлеют над разумом» [33, с. 109-110]. Имплицитная ирония понятна немногим, даёт настоящую оценку контексту, а эксплицитная ирония чаще всего основывается именно на широком контексте [32].

В. М. Пивоев вместе с А. В. Розсохой также выделяют такие виды иронии, как [32] скрытая ирония, открытая ирония и прикрытая ирония.

В скрытой иронии субъект всегда скрывает свою отрицательную оценку, однако, используя различные намёки, насмехается над объектом иронии [32]. В отличие от скрытой иронии, в открытой субъект не стремится спрятать негативную оценку, а, наоборот, выражает её прямо [32]. Прикрытую иронию чаще всего называют юмористической, так как негативная оценка выполняет функцию насмешки и может скрываться за маской похвалы [32]. О. А. Щукова и А. И. Наумова в работе «Классификация видов иронии» приводят систематизацию видов иронии А. Н. Лука, которую мы представим в виде схемы (рис. 1.1.9) [32]:

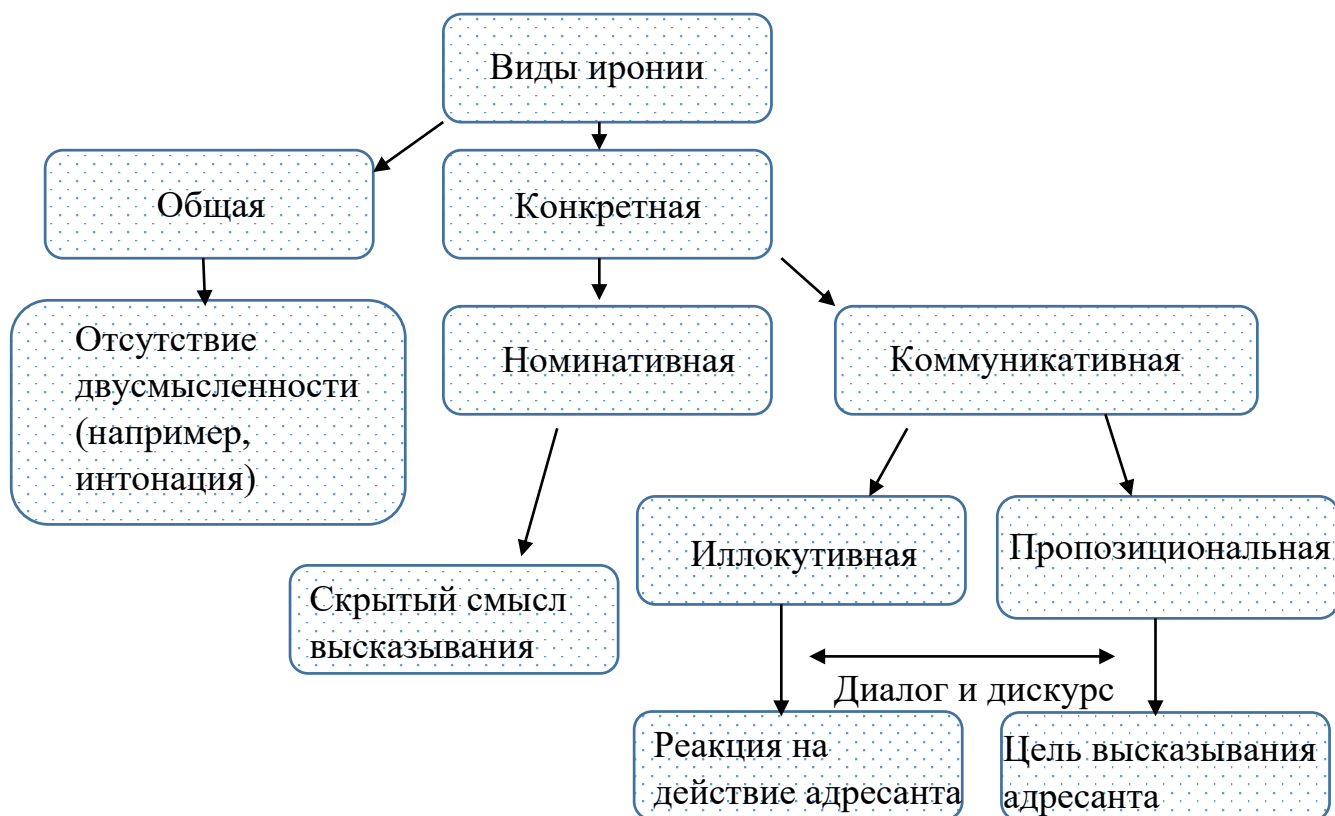

Рисунок 1.1.9 — Схема видов иронии

Не стоит забывать, что ирония является содержательной категорией художественного средства, что позволяет отнести иронию к явлению прагматики [34]. Несмотря на то, что основной прагматической функцией иронии выступает оптимизация межличностных отношений, существует ряд более частных прагматических функций, обладающих определённой прагматической нагрузкой [34]. Б. А. Гомлешко рассматривает несколько прагматических функций иронии. Первой является так называемая эксклюзивная функция говорящего, целью которой является упрочнение позиции субъекта за счёт опровержения позиции адресата [34]. В основе данной функции можно выделить прямую и косвенную оценки, отличающиеся тем, что косвенная оценка всегда требует широкий контекст. Эксклюзивной функции свойственна кооперативность в ходе которой объект иронии сам участвует в иронизации и критической оценке ситуации, в которой он находится [34].

Следующая функция — это функция избегания самоочевидных, нетривиальных суждений. Б. А. Гомлешко считает, что «в оппозиции между прямым значением и значением его возможной перефразировки реализуются не контрарные отношения, ... а конрадикторные отношения или отношения противоречия» [34]. Такой функцией субъект пользуется, когда его/её высказывание не имеет однозначной трактовки [34].

Ирония также может функционировать как регулятор межличностного конфликта. В таком случае необходимо сопоставить иронию с категоричностью. Б. А. Гомлешко утверждает, что «...коммуниканты...оставляют за собой право отказаться от такой интерпретации, которая...неприемлема для собеседника» [34]. Такую функцию принято называть функцией урегулирования несогласий [34].

Крайней, но не последней функцией иронии выступает функция интимизации коммуникативных отношений. Если коммуникант согласен участвовать в ироническом диалоге, то он/она отвечает доверием на доверие [34]. По этому поводу интересную точку зрения имеет исследователь В. Л. Наер, который, связывая иронию с комическим, описал вышеупомянутую функцию следующим образом: ««комическое обычно, хотя и далеко не всегда, маскирует достаточно серьезные интенции и соответствующие им смыслы и эмоции» [35]. В подобном случае функция интимизации становится иронической интенцией: «Интерес к оригинальному способу ... перерастает в эмпатию» [35].

Таким образом, иронию можно считать полифункциональной, однако все вышеперечисленные функции дополняют друг друга и утверждают иронию как явление прагматики. Разнообразие видов иронии позволяет эффективно решать коммуникативную задачу. Рассмотрим более подробно средства и способы передачи иронии в языке.

1.2 Средства и способы реализации иронии в языке

На сегодняшний день в лингвистике существует множество стилистических средств и приёмов реализации иронии в языке. Б. А. Гомлешко отмечает ведущую роль в порождении иронии лексико-семантические средства [36]. Анализируя художественный текст, исследователь выделяет авторскую иронию и иронию персонажей, скрытая насмешка и отрицательная оценка которых формируется, затрагивая следующие уровни языка [36]: слово, словосочетание, предложение, сверхфразовое единство.

Б. А. Гомлешко приходит к выводу, что самым распространённым языковым средством, конструирующим иронию, является каламбур и выделяет следующие его виды, которые мы систематизируем в следующей схеме (рис. 1.2.1) [36]:

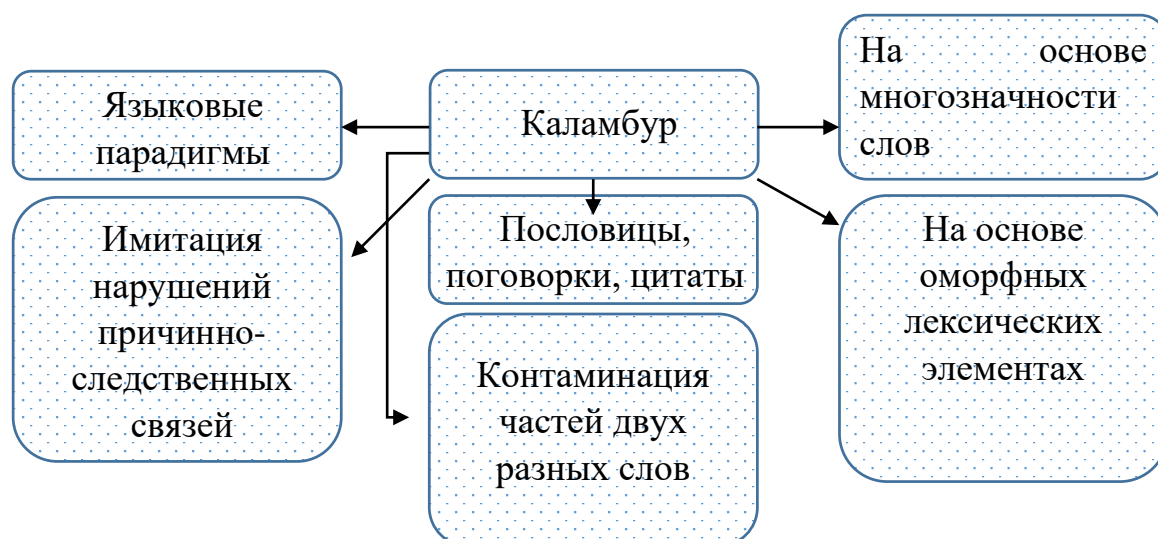

Рисунок 1.2.1 — Схема видов каламбура

Кратко прокомментируем схему. Использование каламбура основано на многозначности лексемы, приводит к появлению у объекта иронии двусмысленности. По мнению Б. А. Гомлешко, такая игра слов «...способствует косвенной характеристике главного персонажа» [36]. Ко второму виду каламбура (на основе оморфных лексических элементов) относятся языковые явления с нарушением фонетического образа и яркой эмоциональной окраской с точки зрения этимологии слов [36]. В качестве примера можно привести языковую интерференцию (в том числе внутри одного диалога). Такое несоответствие вызывает сбой и конфликт у коммуникантов [36]. Устойчивые словосочетания также могут трансформировать значения слов в тексте, что вызывает у коммуникантов определённую эстетико-эмоциональную нагрузку [36]. Б. А. Гомлешко к данному виду игры слов относит интонационный контраст, возникаемый между речью и словами автора [36]. Основа такого явления — перепад интонации, который можно выразить в следующей формуле: прямая речь+слова автора=отсутствие ответной реакции [36].

Указывая на то, что ирония может возникнуть в результате контаминации частей двух разных слов, Б. А. Гомлешко считает, что каламбур, как средство реализации иронии, «...отражает эмотивную сторону функционирования иронии» [36]. Игра слов в таком случае придаёт экспрессивность контексту, так как имеет ряд причин не реализовываться в узусе (использование лексем отличных от общего употребления, например, использование неологизмов) [37].

Особый интерес вызывает использование парадоксов. Как считает Б. А. Гомлешко: «Парадокс — изречение или суждение, резко расходящееся с

общепринятым, традиционным мнением или...здравым смыслом» [36]. Как можно заметить, понятие парадокса, данное исследователем, схоже с трактовкой понятия иронии (ранее приведённые трактовки см. параграф 1.1). Парадоксы, по мнению Б. А. Гомлешко, звучат несколько вызывающе, нанося коммуникативный ущерб объекту иронии для достижения внешнего эффекта («игра на публику») [36].

Последним видом игры слов выступает имитация нарушений причинно-следственных связей. В основе данного явления лежит «глубокий национальный психологизм с философской базой, ведущее к циничному отношению к окружающей действительности у коммуникантов» [36].

Помимо игры слов Б. А. Гомлешко выделяет такие средства реализации иронии, как [36]:

- деперсонализация-оживативание (использование метафор-животных, например, в качестве оскорблений);
- олицетворение (отдельное слово может стать полноценным иронически концептом);
- художественное сравнение (“*simile*”);
- перифраз;
- оксюморон (характерологическая функция);
- зевгма (передача импликации иронии);
- гипербола;
- аллюзия.

Различные способы и средства создания иронии в языке позволяют говорить о создании так называемого второго плана текста, несущего в себе контекстуальный смысл. М. С. Рыбина и З. Э. Закирзянова, анализируя роман Ф. Кафки «Процесс», выделяют следующие приёмы передачи иронии [38]:

- 1) приём контраста;
- 2) приём скрытой характеристики;
- 3) приём несоответствия формы выражения существу изображаемого;
- 4) подхват в диалогах.

Согласно проведённому анализу М. С. Рыбиной и З. Э. Закирзяновой, контраст может усиливаться с помощью синтаксических средств, а именно — риторического вопроса; с помощью лексических средств (таких как антитеза) подчёркивается характер героя [38]. Приём скрытой характеристики реализуется в ситуациях замечания, выражаемого несоответствием формы выражения существу изображаемого [38]. Стоит отметить, что субъект иронии всегда старается самоутвердиться за счёт объекта, что проявляется в функции упрочнения позиции адресата за счёт опровержения позиции говорящего [38].

Особый интерес вызывают результаты исследования В. М. Капацинской, представленные в работе «Обучение студентов педагогического вуза речевым средствам создания юмора и иронии». Ссылаясь на Б. Н. Головина, В. М. Капацинская вводит понятие «ККР» — как «коммуникативные качества речи» [39]. ККР делятся на структурные и функциональные. К структурным относятся [39]:

- правильность/неправильность речи;
- чистота/нарушение чистоты (несоответствие лексическим нормам);
- богатство/бедность (разнообразие используемых речевых единиц),
- украшенность/отсутствие украшенности (использование иронии вместе с другими тропами).

К функциональным ККР относятся [39]:

- точность/неточность;
- логичность/нелогичность;
- уместность/неуместность;
- выразительность/невыразительность.

Несмотря на то, что речевые средства передачи иронии образуются из единиц различных языковых уровней, сам язык создаёт предпосылки для реализации иронического смысла [39]. В. М. Капацинская выделяет четыре уровня языка, средствами которых передаётся иронический смысл [39]:

- фонетический (звуки, ударение, интонация);
- словообразовательный (аффиксы, неологизмы и т.д.);
- лексический (слова и фразеологизмы);
- синтаксический (словосочетания и предложения).

ККР реализуются с помощью средств всех уровней языка, проявляют функцию отклонения от привычной речи [39]. Учитывая все вышеизложенные принципы для обучения студентов реализации иронии В. М. Капацинская использует следующую схему-памятку (рис. 1.2.2) [39]:

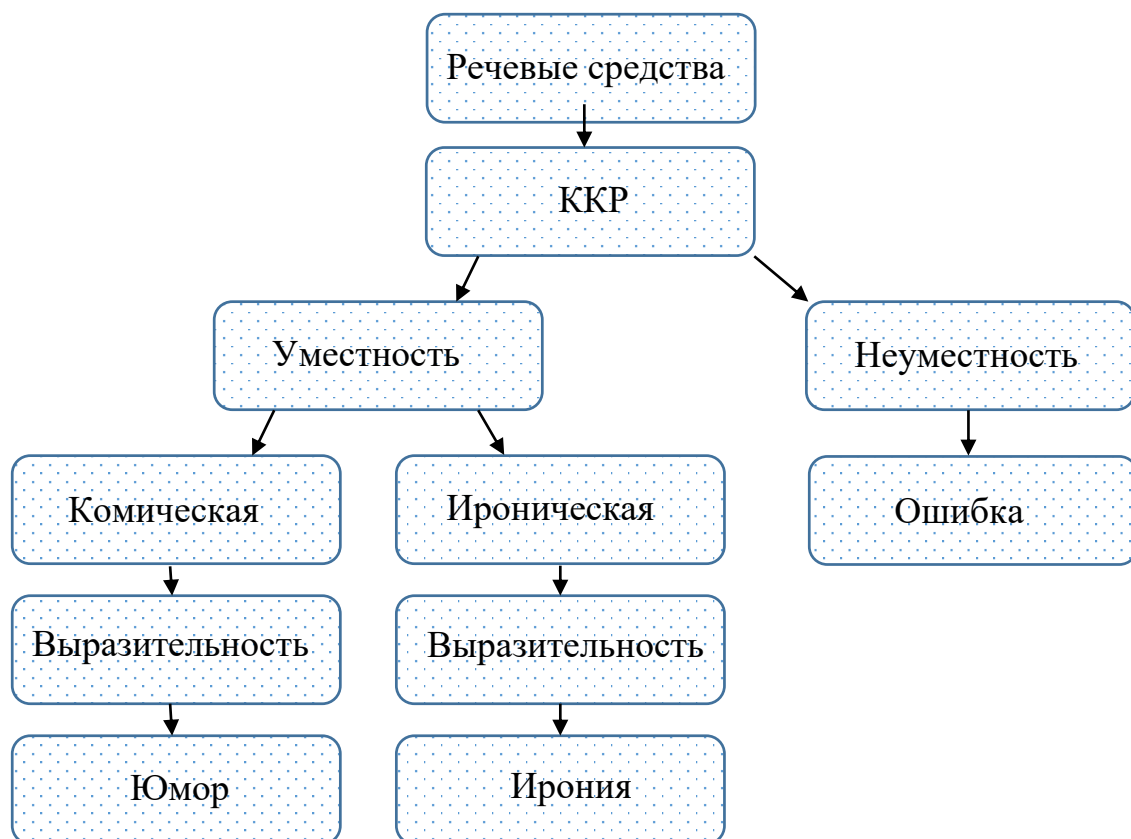

Рисунок 1.2.2 — Памятка для обучения использования ККР

Следует отметить, что данную схему принимают при анализе письменной и устной речи, выявлении ошибок в речи человека [39].

Говоря об иронии в художественном дискурсе необходимо привести два вида иронии, которые мы указывали ранее: авторская и ирония персонажа. Н. Г. Филимонова и Е. И. Крылова считают, что данные два вида иронии передаются в языке по-разному. По их мнению «...ирония от персонажа ограничена лексическим и синтаксическим уровнями. ...роль персонажа...менее значима, чем роль автора» [40]. Стоит отметить, что ирония персонажа зачастую отражает отрицательную оценку к ситуации; авторская ирония не может быть реализована на всех уровнях языка [40]. Н. Г. Филимонова и Е. И. Крылова выделяют следующие уровни языка [40]: лексический, синтаксический, морфологический, текстовый, уровень сюжета.

Однако общей чертой для авторской иронии и для иронии персонажа можно считать единый механизм передачи иронического смысла, который основан на противопоставлении, семантической двуплановости, создаваемые окказиональными и узуальными значениями [40].

Одним из самых интересных вопросов является реализация иронии на лексическом уровне. Это подтверждает суждение А. И. Дрынина, считающего, что субъективно-оценочная модальность возникает при помощи лексем и

словосочетаний [41]. Особый контекст проявляется через употребление отрицательного слова. Данное явление называется частеречным наполнением [42, с. 175-177]. Помимо отдельных лексем (существительного, глагола и т.д.) ироническое оформление текста реализуется через словосочетание, основа которого — прилагательное, несущее эмоциональную нагрузку [42, с. 175-177]. Словосочетание также может состоять из следующей структуры: существительное+*of*+существительное, например. “*voice of an angel*”, “*feast of life*” [42, с. 175-177]. Такого типа словосочетания метафоричны, однако их образность стала клишированной [42, с. 175-177]. Важность для иронии состоит в сохранности бывшего употребления в контексте [42, с. 175-177].

Анализ «наложения» контекстуального смысла на словарный и его реализация на синтаксическом уровне широко представлена в работах И. С. Походни. Исследователь выделяет следующие синтаксические средства передачи иронии [33, с. 109-110]:

- транспозиция синтаксических структур (утвердительное предложение в отрицательное и наоборот);
- транспозиция восклицательных предложений (восхваления в презрение);
- использование риторических вопросов.

Е. В. Булатая также выделяет синтаксические средства создания иронии. Среди них [43]:

- локальные повторы;
- восклицательные предложения;
- вводные слова;
- вставные конструкции;
- риторические вопросы;
- несобственно-прямая речь;
- средства пунктуации.

Данные синтаксические средства обладают общим механизмом функционирования — транспозиция синтаксических конструкций. Ирония, как явление прагматики, позволяет рассматривать её на текстовом уровне и анализировать функционирование языка в действии [44]. Одним из самых эффективных прагматических методов на уровне текста является механизм языковой игры. А. В. Кузнецова совмещает два понятия (иронию и языковую игру), утверждая, что «Основа языковой игры может быть создана уже в самой необычной форме представления высказывания, как следствие отклонения от нормативного в плане словоупотребления» [45]. З. А. Заврумов считает, что прагматический потенциал языковой игры направлен на создание комического эффекта, в процессе реализации которого коммуниканты намеренно нарушают функционально-семантические законы [46]. Данное

суждение позволяет говорить об языковой игре как об дискурсивном явлении, которым также является ирония. В этом плане языковая игра и ирония выполняют общую функцию импозиции — конфликтность положения. Данная функция введена К. В. Охримович и является общей для двух лингвистических явлений [47]. Особое внимание следует уделить имплицатуре речевого акта, который можно проследить в переводе. Именно при переводе языковая игра проявляет комический эффект, свойственный иронии. Например, Е. М. Александрова в учебном пособии «Языковая игра» привела образец иронической шутки [7, с. 107]:

“The schoolmistress questions John, a boy with a very alert look. ‘Let’s hear, John! If I say to you, I’m beautiful, what tense is it?’ ‘Past tense, madam.” [7, с. 107].

Также автор приводит следующий перевод:

«Учительница спрашивает Вовочку:

— «Я красива» — какое это время?

— Прошедшее, Мария Ивановна» [7, с. 107].

Как можно обратить внимание, при переводе не был потерян комический эффект, так как механизм языковой игры основан на полисемическом значении слов “time” и «время», иллюстрируя яркий пример иронии, реализованной с помощью фонетических средств [48, с. 392-395]. О. А. Ликинова считает, что языковая игра приводит к возникновению имплицитных смыслов, в ходе которого появляется «второй план» высказывания и, как следствие, ирония [49].

Таким образом, языковые механизмы иронии многообразны и многоплановы [33, с. 109-110]. Наличие множества средств передачи иронии свидетельствует о существовании различных подходов к изучению феномена иронии.

1.3 Подходы и теории изучения феномена иронии

Ирония является неотъемлемым компонентом стиля коммуникации, что позволяет судить о многообразии подходов и теорий данного явления [50].

Чаще всего лингвисты выделяют 2 подхода в изучении иронии: традиционный и современный. Такого мнения придерживаются К. В. Охримович и Е. В. Булатая. Традиционный подход толкует иронию исключительно как троп, стилистический приём [43]. Стоит отметить, что приверженцы данного подхода рассматривают иронию в кругу смежных стилистических приёмов и явлений [43]. Е. В. Булатая отмечает, что в традиционном подходе «...основной акцент ...учёные делают на выявлении особенностей актуализации иронии лишь на лексическом уровне, оставляя за

пределами внимания функционирование иронии на других уровнях языка» [43].

Современные исследования иронии имеют более широкие представления о функционировании иронии и позволяют выйти за пределы фигуры речи и сделать современное философское познание более ироничным [43; 51]. Ю. П. Королёва предлагает вынести на первый план риторический аспект репрезентации иронии, считая, что просодия является главным средством реализации [43]. Исследователь приходит к выводу, что экстралингвистические средства и социокультурный контекст отражают национально-культурную специфику реализации иронии в определённых языковых картинах мира [43]. Стоит отметить актуальность изучения функционирования иронии в художественном тексте. Е. В. Булатая объясняет это тем, что ирония является важнейшей категорией дискурса, учитывает формирование целостности смысла, создаёт экспрессию и эмоциональный фон коммуниканта [43].

Особый интерес в современном подходе вызывает взаимодействие иронии и принципа вежливости, работа которому посвящены результаты исследования К. В. Охримович. По мнению исследователя «Ирония — оценочное суждение с негативной модальностью, для восприятия которой нужны определённые маркеры того, что высказывание имеет скрытый смысл и умение извлекать импликацию» [47]. Такая трактовка иронии выражает функцию импозиции, а, следовательно, ирония контрастирует с понятием вежливости, которая может быть определена через «разговорные максимы». К. В. Охримович утверждает, что «Говорящий должен использовать определённые правила построения своих высказываний, если он желает успешного достижения своих целей» [47]. Важную роль в современном подходе изучения иронии и её взаимосвязи с принципом вежливости играет теория «сохранения лица» П. Брауна и С. Левинсона. Сама трактовка понятия «лица», по мнению исследователей, универсальна для любого социума, но имеет культурный контекст и позволяет коммуниканту выполнять функцию публичной самопрезентации [47; 52]. Данную теорию можно представить в виде следующей схемы (рис.1.3.1) [47]:

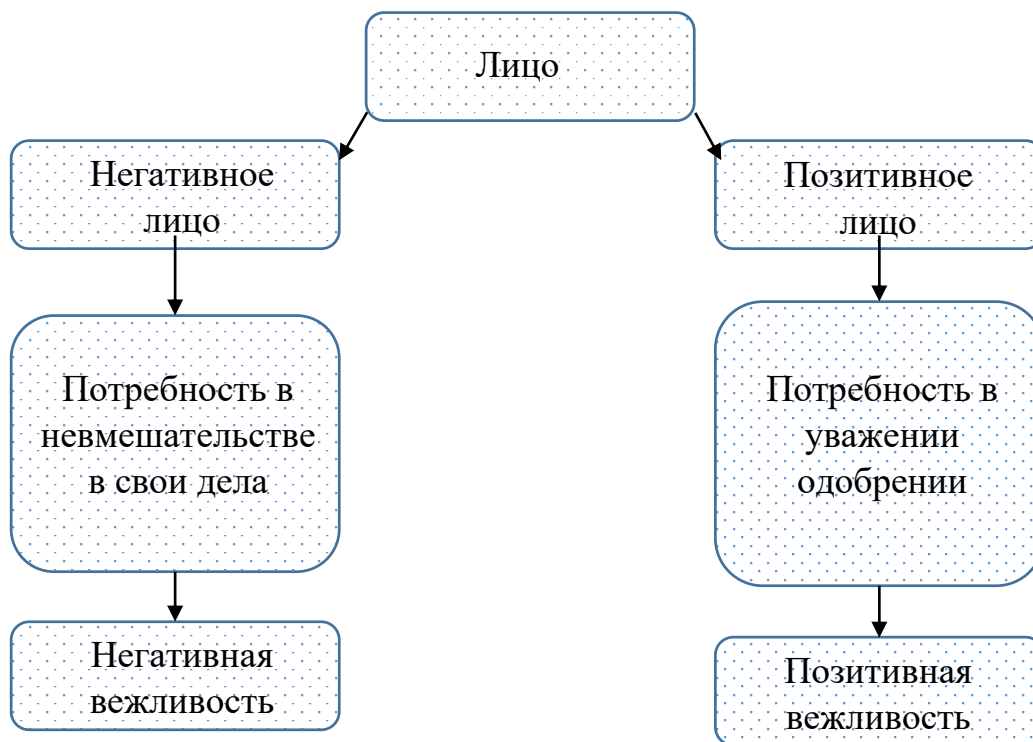

Рисунок 1.3.1 — Алгоритм теории о «сохранении лица»

Различные смягчающие и повреждающие действия в сторону коммуниканта реализуется через так называемые максимы вежливости. К. В. Охримович привела следующую классификацию максим вежливости [47]:

- максима благородства;
- максима скромности;
- максима такта;
- максима одобрения;
- максима согласия;
- максима симпатии.

Функционирование иронии для реализации максим вежливости объясняется тем, что ирония обладает скрытой негативной оценкой [47]. При использовании максимы благородства коммуникант повреждает своё лицо, иронизирует над собой, а не над своим собеседником. К. В. Охримович считает, что данная максима взаимодействует с максимальной такта, но «в отличии от неё, она ориентирована на говорящего, а не на адресата» [47]. Максима скромности реализуется в ситуациях, когда похвала в свой адрес минимальна по сравнению с самокритикой. Такой вид максимы всегда, по мнению Дж. Лича, зависит от национальной культуры [47]. К. В. Охримович считает, что ирония нарушает максимы вежливости, учитывая два фактора: степень

авторитетности и уровень знакомства между коммуникантами [47]. Максима одобрения указывает на «нежелательность резкой открытой критики»; если возникает возможность похвалы, то её следует использовать [47]. В свою очередь максима согласия требует конструктивной критики, ситуации, когда следует согласиться, чем полностью отвергнуть мнение собеседника [47]. Максима симпатий проявляется в речевых актах поддержки, однако, по мнению К. В. Охримович, при сочувствии не следует упоминать сами события, а только свои эмоции [47]. К. В. Охримович соотнесла классификацию максим вежливости с теорией «сохранения лица», результатом которой стала таблица взаимодействия теории с иронией, как пример современного подхода к изучению принципа иронии. Таблица приведена в приложении Б.

Рассматривая иронию как результат речевой деятельности, невозможно опустить личностные факторы её воспроизведения. Учитывая данный факт А. А. Горностаева проанализировала антропоцентрический подход к изучению иронии. Исследователь считает, что «...ирония — это сложное явление, которое опирается на всю когнитивную базу человека, владеющего определённой языковой картиной мира. Восприятие иронии зависит и от культурно-исторических, и от индивидуально-психологических условий, включая черты личности, её опыт и ценностные ориентации, а также от структурно-коммуникативных особенностей конкретного иронического высказывания и ситуации его употребления» [33, с. 109-110]. Опираясь на суждения И. А. Осиповской, А. А. Горностаева утверждает, что ироническая личность использует иронию как будто «странствует» в следующих жизненных сферах [33, с. 109-110]:

- область морали (демонстрация отсутствия моральных ориентиров);
- область собственного «я» (примеряние различных масок и образов);
- область отрицания действительности.

Исследователь справедливо отмечает индивидуальный характер иронии, а, следовательно, ирония более характерна для западных культур, что подтверждается большим количеством иронических произведений [33, с. 109-110]. В книге «Ирония как компонент английского стиля коммуникации» А. А. Горностаева рассматривает ещё один подход. Формулировка подхода отражена в вопросе: ирония принадлежит языку или это — самостоятельная категория? [50]. Ирония действительно реализуется в специфическом контексте, опираясь на когнитивную структуру коммуникантов, но не являясь единицей языка [50]. Однако А. А. Горностаева утверждает, что такой подход не вполне правомерным, считая иронию языковым явлением [50].

Изучая область собственного «я» иронической личности, в современном подходе ирония выступает не просто как вид языковой игры, а полноценная языковая мистификация. Это связано с тем, что ироник (ироническая личность)

использует различные маски [18]. К такому суждению пришла О. П. Ермакова и привела свою классификацию масок иронизирующего коммуниканта [18]:

- маска невежды;
- маска дурака;
- маска наивного;
- маска подлого/злобного человека;
- маска глупо восторженного человека;
- маска скептика;
- маска глубокомысленного человека.

Каждая маска связана с характером коммуниканта. При этом разные маски позволяют иронической личности завладеть разными объектами иронии [18]. Несмотря на то, что в живом диалоге, как правило, используется только одна маска, художественном дискурсе автор может менять маски [18]. В тоже время О. П. Ермакова отмечает, что «Закреплённости каких-то видов масок за определёнными типами текстов нами не отмечено. ...регулярной зависимости маски от текста, видимо, не существует» [18].

Развитие двух основных подходов к изучению иронии создало основу развития множества лингвистических теорий иронии. Более широко представлен данный вопрос в исследовании К. М. Шилихиной, которая привела примеры различных теорий. Среди философско-прагматических истоков принято выделять теорию «Стандартной прагматической модели» П. Грайса. В её основе лежат принцип кооперации и рациональность говорящего [1, с. 57]. Несмотря на то, что ирония зачастую несёт в себе конфликтность ситуации, наличие импликатур, несущих в себе рациональное поведение коммуникантов, помогает понять иронию друг друга [1, с. 57]. Альтернативу данной концепции составляет теория иронии «как эха» Д. Спербера и Д. Уилсона. Последователи поставили под сомнение понятие импликатуры П. Грейса, считая, что импликатура должна быть полностью заместить буквальный смысл [1, с. 57]. Для Д. Спербера и Д. Уилсона ирония — это метакоммуникация, возникающая в результате упоминания того, что уже было сказано ранее [1, с. 57]. Широкая дискуссия породила ещё одну теорию: «Ирония как релевантная неуместность» С. Аттардо. Исследователь предлагает сравнить два понятия/критерия иронии — уместность и релевантность, отличающихся тем, что уместность несёт в себе истинность высказывания, а релевантность — нет [1, с. 57]. Стоит отметить, что вышеуказанные теории отражают принцип иронии «сверху вниз» [1, с. 57] (от теории к примерам). Полноценно экспериментальной теорией можно считать гипотезу ранжированной салиентности Р. Гиоры. Р. Гиора называет салиентностью высокую степень значимости одного из значений многозначного слова для носителя языка [1, с. 57]. Эксперимент проводится

следующим образом: испытуемым предлагаются иронические высказывания на фоне эквивалентов, которые имеют только прямое значение [1, с. 57]. Результаты оказались следующими [1, с. 57]:

- возросла роль контекста;
- ирония создаётся преимущественно лексическими средствами,
- если нет привязки к лексическому уровню, трудно говорить об актуальном значении высказывания, аналогичного значению слова.

Таким образом, в лингвистике принято выделять два основных подхода к трактовке иронии: традиционный и современный. Однако более перспективным видится именно современный подход, отражающий различные способы и теории функционирования иронии, которая прослеживается в художественном тексте.

1.3.1 Ирония в художественном тексте

Благодаря широкой методологической базе современного подхода иронию не следует отделять от текста. Н. С. Зинченко отмечает, что «весь мир — это текст» [17] и рассматривает художественный текст в качестве открытой многослойной системы, которая ориентирована на интерпретацию иронии именно современным читателем [17]. Ранее мы уже отмечали, что многие лингвисты разделяют авторскую иронию и иронию персонажей при высокой роли авторской, так как именно автор комментирует коммуникацию персонажей, общается с читателем. Это суждение подтверждается мнением Н. С. Зинченко о том, что «Ирония, как текстовая категория, реализуясь лингвистическими средствами, ..., тесно связана с экстралингвистическими моментами (социальной позицией автора, его биографией, положением в обществе, этическими нормами, философско-политическими течениями эпохи)» [17]. Для правильной интерпретации иронии необходимо иметь представление обо всём тексте, поэтому возрастает роль анализа художественного текста. Художественный текст, который является частью литературного дискурса, по мнению Е. А. Яшина «выступает одним из средств познания окружающего мира... и направлен на формирование человеческой личности» [53]. Конечно же это касается не только личности с точки зрения психологии, но и как «иронической личности».

Н. А. Лабашева приводит свою трактовку понятия художественного текста: «Художественный текст — сложнейший лингвистический феномен: это многоуровневое содержательно-смысловое целое, объемный языковой знак, в котором роль денотата выполняет реальная действительность, преломленная и эстетически обработанная в сознании автора» [54]. Схожую трактовку указывает белорусский исследователь И. Волков: «...тип

мастацкага зместу – гэта творы, сінтэз устойлівай характэрыстыкі жыцця, узвядзення яго да ўсеагульнасці значнасці, асэнсавання, адзінкі і пераўтварэння ва ўяўлені пісьменніка» [27, с. 92-96]. Ранее мы упамінали тот факт, што іронія контекстна і паняцце контекста важна для інтэрпрэтацыі. Л. В. Дуднікова і М. С. Шевченко сводят паняцце контекста да художественнага тэкста: «Контекст подсказывает истинные мысли и чувства, завуалированные в иронии. Контекст определяется нами как семантико-семантическое положение, среда, связи и отношения с которой помогают более полно и целостно понять предмет осмысления» [55]. Внутри художественнага тэкста адражаецца аўтарскае свядзенне. Оно опосредовано і, так же, как и иронія, рэпрэзентавана вне зависимости от истинности (либо неистинности) реального события [45]. Так же, как и иронія, любое действие или описание в тексте всегда репрэзентавана через языковые средства [45]. Даныя сужденія дазваляюць вынесці функцыянаванне іроніі за рамкі традыцыйнага падходу. Как справедливо отмечает Е. В. Булатая: «иронія участвует в формировании концептуальной информации, составляя глубинный план текста, его внутренни смысл» [56]. Т. Н. Вышинская считае, што в современной лингвистике для конкретной интерпретации иронического контекста следует рассматривать его на лексико-семантическом уровне [57]. На данном языковом уровне иронія праявляецца как в комментариях аўтара, так и в словах персанажэй. Все стилистические приёмы адражаюць адношэнне аўтара і персанажэй к дзейнасці, што указывае на непriamoлінейнае адношэнне контекстуальнага значэння слова к предметна-логіскаму [57]. Следуе адзначыць, што в первую очередь художественный текст — это письменная речь. На основе этого суждения Л. В. Дуднікова і М. С. Шевченко выдзяляюць два тыпа художественнага контекста: мікраконтекст і макраконтекст [55]. Мікраконтекст чаццё вагца называюць граматычным контекстам, функцыянаванне которага знаходзіцца в рамках аднаго прадложэння, в то время как макраконтекст — в рамках целаго абзаца [55]. Однако исследователи ввядуць паняцце мегоконтекста, включающего в себя сацыяльна-культурныя і гістарычныя сведенія, рэаліі жыцця апісываемага врэменя і цытаты [55]. Каждый вышеуказанный тип контекста служыць для арганізацыі ідэйна-образнай структуры прадзвядзення [55].

Рассматривая рэалізацыю іроніі в художественном тексте, мы подразумеваем иронический дискурс. Так же, как и диалог аўтара с чытателем, в ироническом дискурсе осущаствляецца камунікатывнае дзейства между гаворящим и реципиентом [58]. В художественном тексте иронія выконвае іменна художественныя функцыі, выражае аўтарскую ацэнку. О. Л. Морова і Ю. А. Фокеева утвэрждаюць, што «аўтор ісходзіць з сваёй прагматычнай цэлі, выбіраюць пад неё жанр, в котором он намерен писать, а также рашаюць,

насколько он хочет раскрыть собственную позицию, и, наконец, определив всё вышеперечисленное, приступает к выбору конкретных средств выражения иронии» [58]. Вовлечение в подобную художественную коммуникацию требует от читателя активной интерпретативной деятельности [58].

А. А. Горностаева приводит свою трактовку понятия иронического дискурса: «... частотная речеактовая реализация иронии, коррелирующая со специфическими свойствами личности говорящего» [33, с. 109-110]. Рассматривая иронию как составляющую художественного дискурса, исследователь выделяет два подхода к изучению иронии: инструментальный и дискурсивный [33, с. 109-110]. С точки зрения инструментального подхода ирония рассматривается как свойство конкретного или высказывания, используется как инструмент и не зависит от коммуникантов [33, с. 109-110]. Дискурсивный подход по своей природе представляет взаимодействие коммуникантов, автора и читателя. А. А. Горностаева находит сходство данного подхода с теорией кооперации Г. Грайса когда «вклад на каждом шаге диалога должен соответствовать совместно принятой цели», видя иронию как результат дискурсивных действий между коммуникантами [33, с. 109-110].

Таким образом, ирония является категорией дискурса и составляющей художественного текста и реализуется на фоне контекста. Данный факт позволяет судить о важности художественного анализа иронии в тексте.

Выводы по первой главе.

1. *“Irony is a stylistic device also based on the simultaneous realization of two logical meanings — dictionary and contextual, but the two meanings stood in opposition to each other.”* [3]. Ирония представляет собой многоаспектный феномен, что объясняется наличием широкой методологической базой из смежных наук. Однако такая методология существенно сужает предмет исследования [17] и рассматривает иронию именно как стилистический троп в кругу других смежных явлений, которые, в силу отличных характеристик, следует различать.

2. Широкий взгляд на типологию иронии позволяет выделить множество классификаций видов иронии. Являясь категорией дискурса иронию необходимо отнести к явлению прагматики [34].

3. Полифункциональность иронии свидетельствует о различных средствах и способах реализации иронии в языке. Каждое средство функционирует на разных уровнях языка, подтверждая суждение и о том, что ирония является полноценным языковым явлением.

4. Современный подход выходит за рамки иронии как фигуры речи, рассматривает множества теорий реализации иронии и даёт возможность рассматривать иронию в рамках литературного дискурса.

5. Художественный текст, как составляющая литературного дискурса, это «...смысловое целое, объёмный языковой знак, в котором роль денотата выполняет реальная действительность, преломленная и эстетически обработанная в сознании автора» [54]. Феномен иронии внутри художественного текста рассматривается с позиции «иронического дискурса», в котором ирония выполняет художественные функции.

ГЛАВА 2

СЕМИОСФЕРА ИРОНИИ В БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

2.1 Функционирование иронии в рамках британского дискурса

Ирония является важнейшим элементом стиля коммуникации. Для понимания друг друга требуется общность культурного запаса коммуникантов, в ином случае неизбежна коммуникативная неудача в ситуации, если один из собеседников недооценивает культурный уровень другого и принимает иронию за ошибку [58]. Такой подход делает более интересным вопрос функционирования иронии в межкультурной коммуникации.

Изучая национальные особенности стиля коммуникации, особый интерес вызывает британская лингвокультура. Именно ирония свойственна коммуникативному поведению британцев. Это отмечают и сами жители туманного Альбиона. Например, английский писатель Ф. Честерфилд в книге «Письма к сыну» приводит следующее суждение: «...вся похвала, если она не заслужена, становится жестокой насмешкой и даже больше того — оскорблением ... Это риторическая фигура, имя которой ирония... И вместе с тем — это не ложь, ибо он (человек) ясно даёт понять, что думает совсем не то, что говорит, а как раз наоборот» [59]. Сами британцы уверены, что им принадлежит монополия если не на сам юмор, то на иронию, и это объясняется тем, что ирония глубоко уходит корнями в британскую лингвокультурную среду [60]. Несмотря на то, что ирония (как и в других лингвокультурах), может показаться, является отклонением от коммуникативной нормы, лингвисты утверждают, что использование иронии у англичан вызвано функционированием психологической защиты. Мы солидарны с мнением В. Н. Туякова о том, что механизм психологической защиты стал полноценной защитно-наступательной стратегией [60] и вводим в наше исследование понятие психологической игры — использование иронии, построенной в виде игры слов, в качестве психологической защиты [61, с. 170-171]. В качестве отличительной черты психологии британцев можно отнести следующее: прежде, чем сказать что-то вслух, британец сделает паузу и подумает [61, с. 170-171]. Такой психологический ход позволяет англичанину поставить себя на место своего собеседника и уклониться от неловких выражений, которые, несмотря на то, что кажутся смешными, могут быть опасными [61, с. 170-171]. Это подтверждает суждение В. Н. Туякова: «Англичане, возможно, не всегда иронизируют тем не менее, они постоянно находятся в состоянии готовности к использованию и восприятию иронии» [60].

Гипотеза о том, что ирония свойственна именно английскому стилю коммуникации положена в основу исследования А. А. Горностаевой. Исследователь считает, что отсутствие иронии в британском дискурсе делает жителей туманного Альбиона уязвимыми [62]. Это подтверждает наличие ранее упомянутой психологической защиты. А. А. Горностаева, указывая на функцию самозащиты, выделяет следующие коммуникативные ценности британской культуры [62]:

- зона личной автономии;
- равенство;
- рационализм;
- традиционализм;
- толерантность;
- ироничность.

Отличительной чертой британской иронии является также соблюдение принципа вежливости, обладающего скрытым смыслом. От правильного использования иронии и принципа вежливости для англичан является конструктивным решением для выхода из ситуации непонимания или конфликта. Взаимодействие данных двух компонентов подчёркивают всю серьёзность положения ситуации [63, с. 433-435]. Исходя из данного суждения, британскую иронию можно называть дипломатичной [64, с. 56]. Однако, как отмечают сами англичане, их вежливость бывает заметной. В ранее упомянутой книге «Письма к сыну» автор, давая наставления младшему поколению, отмечает следующую особенность британской вежливости: «Что же касается англичан, то манеры их часто бывают неуклюжи, и всякий раз, когда они стараются быть вежливыми, они до того стыдятся и робеют, что их непременно постигнет неудача. Прошу тебя, никогда не стыдись поступать так, как должно..., но чего ради тебе стыдится своей вежливости» [59].

Учитывая тот факт, что персонажи англоязычных книг — представители высоких сословий, особый интерес вызывает лингвистический анализ речи различных социальных классов Англии. О. Батлер находит подтверждение этому суждению в том, что в современном английском обществе деление на классы происходит через язык [65]. И. А. Тисленкова, Е. А. Глебова выделяют следующие черты английского аристократа [65]:

- высокая ироничность;
- чувствительность к едва уловимым нюансам движения тона голоса собеседника и его эмоциям.

Исследователи отмечают, что высшие классы Англии скрывают свои настоящие чувства и стремятся комментировать поступки собеседника, в чём им помогает ирония [65]. Это подтверждают приведенная выше мысль о психологической защите.

Отдельного внимания заслуживает мужкультурный аспект иронии. Не следует отрицать, что ирония британцев и белорусов различаются, так как это две разные лингвокультуры, основанные на различных ценностях. В отличие от британской лингвокультуры, в белорусской ирония не прикреплена к какому-либо классу и имеет свои отличительные черты. Более широко данный вопрос представлен в отечественном исследовании А. С. Баханович. Сравнивая просодическое оформление иронии в английском и белорусском языках, были получены следующие результаты [4, с. 145-150.]:

— английскую иронию характеризует замедленный темп речи, наличием пауз между синтагмами;

— наличие саркастических нот в речи англичан (едкий тембр);

— белорусская ирония дружелюбно-шутливая;

— основа белорусской иронии — риторический вопрос.

Таким образом, британская ирония обладает отличительными чертами, свойственные лингвокультуре жителей туманного Альбиона. Как было отмечено, ирония англичан тесно связана с принципом вежливости и выполняет функцию психологической защиты.

Ярко отражен характер иронии англичан в британской литературе XIX в. В ней отображена жизнь высших и низших слоёв общества Великобритании. Среди писателей той эпохи выделяется писатель-романист Чарльз Диккенс. Его перу принадлежит мастерское ироническое описание английской аристократии. Лингвистическая выборка из романа «Большие надежды» стала материалом анализа в настоящем исследовании.

2.2 Реализация иронии в романе Ч. Диккенса «Большие надежды»

Известно, что ирония — явление многоплановое и полифункциональное в лингвистике, её природу можно определить и в конкретных ситуациях романа британского писателя Чарльза Диккенса «Большие надежды» / “*Great Expectations*”, где проявляется ироническая составляющая в различных контекстах. Ирония Ч. Диккенса — это одно из проявлений оценки, функциональная семантика которой отражает действительность. Именно оценочный фактор играет важную роль, так как ирония автора зависит от его ценностных категорий, социально-культурного положения и мировоззрения. Это даёт широкий спектр для анализа иронического текста Диккенса.

Главный герой произведения — Пип, становление которого Чарльз Диккенс отразил, используя описание от первого лица. Такого типа повествование (а в особенности иронического) соединяет ранее приведённые нами понятия авторской иронии и иронии персонажа. Сугубо авторское повествование осталось в письменной речи Диккенса, но контекстность

сохранилась в словах Пипа, так как весь художественный текст представлен «глазами» главного героя. Вспомним суждение Е. И. Крыловой и Н. Г. Филимоновой о том, что ирония персонажа всегда ограничена лексическим и синтаксическим уровнями, в отличие от иронии автора, где она реализуется на всех уровнях языка [49]. Пип — не только главный герой, но и репрезентация автора (так, как повествование от первого лица), что позволяет нам рассматривать иронию в романе на всех уровнях языка.

Одним из самых частых случаев является употребление иронии на лексическом уровне. Помимо отдельных лексем, исследователи М. Д. Кузнец и Ю. М. Скребнев к данному уровню прибавляют и словосочетание: «ирония – это употребление слов, словосочетаний или предложений в смысле обратном тому, который непосредственно в них выражен» [66]. Словосочетание несёт в себе критически-оценочную характеристику предмета речи. Приведём пример отрывка из романа, в котором описывается оценка Пипом поведения мисс Хэвишем (представительницы высшего сословия):

“Miss Havisham would often ask me in a whisper, or when we were alone, “Does she grow prettier and prettier, Pip?” And when I said yes (for indeed she did), would seem to enjoy it greedily” [67, с. 89].

Ироническая насмешка над происходящим выражается авторской аллегорией, основа которой прилагательное *“greedily”* несущее в себе отрицательную оценку. Однако Пип не произносит слов, тем самым иллюстрируя принцип вежливости, не начиная конфликт (не выражая своей оценки публично собеседнику) и пользуясь небольшой паузой в качестве средства психологической защиты. Оценка скрыта от объекта иронии, что свойственно британскому дискурсу. Интересно отметить удачную передачу иронии в официальном русском переводе романа М. Лорие следующим образом:

“to enjoy it greedily” – «хищная радость»

Русский перевод довольно точно передал аллегорию прилагательного, несущую отрицательную оценку поведения мисс Хэвишем. Ирония скрыта в словах Пипа, который мысленно, с тонкой насмешкой утверждает следующее:

*“Besides, that **shrinking from** having Miss Havisham and Estella discussed, which had come upon me in the beginning, grew **much more potent** as time went on.”* [67, с. 90].

Особый интерес вызывает перевод выделенных фраз на русский язык:

1. *“Much more potent”* — Болезненное нежелание;
2. *“Shrinking from”* — Вынести на суд.

Художественный перевод правильно передал критическую оценку персонажей. Особенно это видно при использовании афоризма («вынести на суд») при передаче иронии в переводе.

В ироническом художественном тексте содержится оценка. Анализируя толкование понятия иронии разными учеными в первой главе, можно сделать вывод о том, что ироническая оценка всегда отрицательна. Однако не всегда так бывает. Мы солидарны с мнением Е. В. Булатовой по данному вопросу: «в ироническом высказывании происходит совмещение двух оценочных структур на основе общего объекта оценки, то есть в одном высказывании одновременно содержится две противоположных оценки: положительная и отрицательная» [56]. В ходе анализа лингвистической выборки из романа, было обнаружено, что соблюдение принципа вежливости с преобладанием положительной иронической оценки свойственно речи представителей низших сословий Англии. Представителями низших классов в романе является, по началу, сам Пип и его приятель кузнец Джо. Приведём пример реплики Джо:

“Which I meantsay, Pip,” Joe now observed in a manner that was at once expressive of forcible argumentation, strict confidence, and great politeness, “as I hup and married your sister, and I were at the time what you might call (if you was anyways inclined) a single man.” ... “You know, Pip,” replied Joe, “as you and me were ever friends” [67, с. 103].

Нескладная речь кузнеца, мягкий тон разговора говорит о том, что он боится обидеть Пипа. У каждого оценочного существительного есть своё оценочное прилагательное. Отобразить данные лексемы можно в следующем образом:

1. *Forcible argumentation*
2. *Strict confidence*
3. *Great politeness*

Поведение и речь Джо вызывает иронический смех и раскрывает отношение автора к нему. Субъективно-оценочную модальность автор использует для позитивной оценки персонажа. Пересматривая таблицу, приведенную выше, отметим, что оценочные существительные переходят в оценочные прилагательные, а, следовательно, ирония реализуется на лексическом и синтаксическом уровнях и не противоречит принципу вежливости.

Автор подчеркивает доверительные отношения обоих коммуникантов, которые проявляются в их поступках. Вдали от Джо, Пип мысленно обращается к нему:

“Joe laid his hand upon my shoulder with the touch of a woman. I have often thought him since, like the steam-hammer that can crush a man or pat an egg-shell, in his combination of strength with gentleness. ... O dear good faithful tender Joe, I

feel the loving tremble of your hand upon my arm, as solemnly this day as if it had been the rustle of an angel's wing!" [67, с. 132].

Мы видим своеобразный диалог, когда на речь ответами служат размышления, которые передают чувства и дают им оценку. Сравнение “*of an angel's wing*” говорит о высшей степени проявления вежливости. Оценочные прилагательные характеризуют душевность Джо, который стремится защитить слабого. В этом случае психологическая защита имеет коллективную основу, а не индивидуальную, как в иронии высших сословий. Ироническое сравнение «силы» и «мягкости» с *steam-hammer* (*паровой молот*) вызывает веселье и смех. Ирония реализуется через индивидуальные особенности персонажей. Принцип вежливости выражается через способ дружеских отношений, взаимодействием иронии и принципа вежливости.

Однако, становясь представителем аристократического класса, Пипу необходимо было освоить новые правила быта английского дворянства. В этом ему помогает его друг (представитель высшего сословия) Герберт. Советы и нравоучения Герберта иронично выражены в его небольшом монологе:

“Let me introduce the topic, Handel, by mentioning that in London it is not the custom to put the knife in the mouth,—for fear of accidents,—and that while the fork is reserved for that use, it is not put further in than necessary. It is scarcely worth mentioning, only it's as well to do as other people do. Also, the spoon is not generally used over-hand, but under. This has two advantages. You get at your mouth better (which after all is the object), and you save a good deal of the attitude of opening oysters, on the part of the right elbow.” [67, с. 165].

Ответы Пипа выглядят весьма нелепо в силу свойственного им просторечия и вызывают смех у собеседников. Слова и выражения, произносимые Гербертом, обладают особым чувством иронии и совмещают в себе вежливость и уважение к другу. К этому располагает ситуация, в которой есть возможность говорить открыто, не стесняясь друг друга, и от весёлого их настроения. Все советы нелепы и являются глупыми предрассудками, что выражает позитивная ироническая оценка.

Дружеская обстановка позволяет Герберту открыто не только выразить оценку, но и говорить о своих планах:

“I shall not rest satisfied with merely employing my capital in insuring ships. I shall buy up some good Life Assurance shares, and cut into the Direction. I shall also do a little in the mining way. None of these things will interfere with my chartering a few thousand tons on my own account. I think I shall trade,” said he, leaning back in his chair, *“to the East Indies, for silks, shawls, spices, dyes, drugs, and precious woods. It's an interesting trade.”*

“And the profits are large?” said I.

“Tremendous!” said he.

I wavered again, and began to think here were greater expectations than my own.

“I think I shall trade, also,” said he, putting his thumbs in his waist-coat pockets, “to the West Indies, for sugar, tobacco, and rum. Also to Ceylon, especially for elephants’ tusks.”

“You will want a good many ships,” said I.

“A perfect fleet,” said he. [67, с. 169].

Восторженный рассказ Герберта отражает чувства говорящего через уважительную иронию, которая помогает открыто высказывать свои мысли, соблюдая принцип вежливости. В данном случае эффект иронии создаётся поразительным несоответствием между сказанным и реальным. Это достигается за счет взаимодействия иронии и вежливости. Цель иронии — раскрыть иллюзию завышенных желаний перед лицом реальности, которые выражены фразовыми глаголами *“I shall trade; will want a good”*. Это свидетельствует о том, что всё задуманное Гербертом — вымысел и является лишь реализацией мысли в слове. В тоже время автор отмечает, что собеседник Пипа умеет слышать и слушать субъекта.

Когда Пип начинает знакомится с представителями высших сословий, он всегда, как истинный англичанин, скрытно выражает свою оценку для предотвращения нетривиальных, ненужных суждений. На протяжении романа это выражается через диалог. Описывая клерка Уэмика, Пип, в своих мыслях, утверждает следующее:

“I found him to be a dry man, rather short in stature, with a square wooden face, whose expression seemed to have been imperfectly chipped out with a dull-edged chisel. There were some marks in it that might have been dimples, if the material had been softer and the instrument finer, but which, as it was, were only dints. The chisel had made three or four of these attempts at embellishment over his nose, but had given them up without an effort to smooth them off. I judged him to be a bachelor from the frayed condition of his linen, and he appeared to have sustained a good many bereavements; for he wore at least four mourning rings, besides a brooch representing a lady and a weeping willow at a tomb with an urn on it. I noticed, too, that several rings and seals hung at his watch-chain, as if he were quite laden with remembrances of departed friends. He had glittering eyes,—small, keen, and black,—and thin wide mottled lips. He had had them, to the best of my belief, from forty to fifty years.” [67, с. 157].

Конечно, вряд ли Пип подобрал точное описание Уэмика, так как при более близком знакомстве и посещении его дома, Пип меняет своё мнение, когда Уэмик даст себе свою ироническую оценку:

“I am my own engineer, and my own carpenter, and my own plumber, and my own gardener, and my own Jack of all Trades,” [67, с. 191].

Ранее в первой главе было отмечено, что незаслуженная похвала есть ирония. Однако, проанализировав данный отрывок, мы считаем, что незаслуженная похвала — признак отрицательной иронии. Данный отрывок поистине является заслуженной похвалой, а, следовательно, и хорошей иронической оценкой. Чувство гордости за самого себя выражено фразеологизмом *“Jack of all Trades”* (мастер на все руки). Заслуженная похвала реализуется объективно-оценочной модальностью и соблюдением принципа вежливости. Похвала отобразила какую реакцию всё сказанное Уэммиком произвела на собеседника. Ирония не обманывает коммуниканта, что свидетельствует об отсутствии нарушения принципа вежливости. Двойственная тактика поведения Уэммика на работе и дома обусловлена ситуацией, в которой он находится субъект, что даёт право назвать Уэммика самым настоящим «хамелеоном», как и многих других представителей высших сословий Англии.

Особый интерес вызывают взаимоотношение между представителями одного социального класса, которое не лишено конфликтов. Пример конфликта выражен в следующем диалоге Эстеллы (также главного персонажа) и мисс Хэвишем (обе являются представителями одного социального класса):

“O, look at her, look at her!” cried Miss Havisham, bitterly; “Look at her so hard and thankless, on the hearth where she was reared! Where I took her into this wretched breast when it was first bleeding from its stabs, and where I have lavished years of tenderness upon her!”

“At least I was no party to the compact,” said Estella, “for if I could walk and speak, when it was made, it was as much as I could do. But what would you have? You have been very good to me, and I owe everything to you. What would you have?”

“Love,” replied the other.

“You have it.”

“I have not,” said Miss Havisham.

“Mother by adoption,” retorted Estella, never departing from the easy grace of her attitude, never raising her voice as the other did, never yielding either to anger or tenderness,—“mother by adoption, I have said that I owe everything to you. All I possess is freely yours. All that you have given me, is at your command to have again. Beyond that, I have nothing. And if you ask me to give you, what you never gave me, my gratitude and duty cannot do impossibilities.” [67, с. 279].

Грациозная поза Эстеллы не обнаружила ни гнева, ни раскаяния, что говорит о характере английской нации. А ирония ставит вопрос — можно ли заставить любить? Это ограничивается понятиями родительской любви и

родительской тирании. Любовь и долг — разные значения. Автор использует скрытую иронию через прилагательные: “*Look at her so hard and thankless, on the hearth where she was reared!*” [67, с. 279]. Финальную точку в диалоге поставила мисс Хэвишем, выразив свою отрицательную ироническую оценку:

“But as she grew, and promised to be very beautiful, I gradually did worse, and with my praises, and with my jewels, and with my teachings, and with this figure of myself always before her, a warning to back and point my lessons, I stole her heart away, and put ice in its place.” [67, с. 365].

Ирония размышления, разочарования и позднего раскаяния. Через глаголы “*stole, did worse*” реализуется иронический смысл, который содержит негативную субъективно-оценочную модальность и используется коммуникантом для самокритической оценки своего поведения. В то же время, находясь в ситуации совместного общения представители разных классов не стараются перевести диалог в конфликт. Например, при общении с кузнецом Джо адвокат Джеггерс использует принцип вежливости и не нарушает правила этикета:

“Mr. Jagers had looked on at this, as one who recognised in Joe the village idiot, and in me his keeper. When it was over, he said, weighing in his hand the purse he had ceased to swing:—

“Now, Joseph Gargery, I warn you this is your last chance. No half measures with me.” [67, с. 132].

Соблюдение и нарушение принципа вежливости, как и иронии, зависит от поведения субъектов, от ситуации, в которой они находятся, от экстралингвистических элементов.

Однако, туманный Альбион всегда наполнен строгостью нравов его жителей. Вопиющие законы Англии отображены и следующем диалоге Пипа и Герберта:

“Gravely, Handel, for the subject is grave enough, you know how it is as well as I do. I suppose there was a time once when my father had not given matters up; but if ever there was, the time is gone. May I ask you if you have ever had an opportunity of remarking, down in your part of the country, that the children of not exactly suitable marriages are always most particularly anxious to be married?”

This was such a singular question, that I asked him in return, “Is it so?”

“I don’t know,” said Herbert, “that’s what I want to know. Because it is decidedly the case with us. My poor sister Charlotte, who was next me and died before she was fourteen, was a striking example. Little Jane is the same. In her desire to be matrimonially established, you might suppose her to have passed her short existence in the perpetual contemplation of domestic bliss. Little Alick in a frock has already made arrangements for his union with a suitable young person at Kew. And indeed, I think we are all engaged, except the baby.”

“Then you are?” said I.

“I am,” said Herbert; “but it’s a secret.” [67, с. 230].

Вопиющая нищета порождает чудовищные обычаи. Горькая ирония в словах Герберта, его уныние, которое сменилось оживлением. Смена поведения вызвана насмешкой, которая обращена на самого говорящего — парня душевной простоты. Ирония даёт возможность удовлетворить интересы коммуниканта, возможность задать вопросы собеседнику и является негативной субъективно-оценочной модальностью. Реализуется это через разговорную и просторечную лексику.

Приведём пример ещё одного диалога Герберта с Пипом, в ходе которого Пип не скрывает своё ироничного отношения:

“Dinner done and we sitting with our feet upon the fender, I said to Herbert, “My dear Herbert, I have something very particular to tell you.”

“My dear Handel,” he returned, “I shall esteem and respect your confidence.”

“It concerns myself, Herbert,” said I, “and one other person.”

Herbert crossed his feet, looked at the fire with his head on one side, and having looked at it in vain for some time, looked at me because I didn’t go on.

“Herbert,” said I, laying my hand upon his knee, “I love—I adore—Estella.”

Instead of being transfixed, Herbert replied in an easy matter-of-course way, “Exactly. Well?”

“Well, Herbert? Is that all you say? Well?”

“What next, I mean?” said Herbert. “Of course I know that.”

“How do you know it?” said I.

“How do I know it, Handel? Why, from you.”

“I never told you.” [67, с. 230].

Манера речи Пипа отражает глубокие чувства говорящего. Подчёркнутое личное местоимение утверждается глаголом: *“I love—I adore—Estella.”*, что означает восторженную и очень сильную любовь. Контекстуальные разговорные обращения друг к другу характерны обоим собеседникам. *“My dear Handel,”* говорят о дружеских отношениях не нарушая максимумы вежливости. Уважительная ирония передаётся экстралингвистическими средствами. Принцип вежливости выступает через позитивную оценку поведения обоих собеседников.

Анализируя разорвавшиеся отношения Пипа с Эстеллой, которые Ч. Диккенс называет «Большими надеждами», мы приходим к выводу о том, что иронический контекст зависит от описания ранее упомянутого нами в первой главе «второго плана» текста. Для передачи чувств Пипа после такого жизненного кризиса автор соотносит их с явлениями погоды (а мы знаем, как сильно погода популярна на британских островах):

“It was wretched weather; stormy and wet, stormy and wet; and mud, mud, mud, deep in all the streets. Day after day, a vast heavy veil had been driving over London from the East, and it drove still, as if in the East there were an eternity of cloud and wind.” [67, с. 287].

Чувство горечи переключаются с обстановкой «за окном» и составляет одно целое. На основании общего признака «настроение-погода» автор объединяет два понятия, которые иронически переключаются между собой. И хотя объект обижен происходящем, принцип вежливости не нарушен, так как это личные переживания персонажа, не облечённые в словесную форму (отсутствие собеседника). Это подтверждает ранее приведённый нами суждение о максиме симпатии, выделенной К. В. Охримович [47]. Пип упоминает свои эмоции, но зная сюжет романа, читатель общается с героем, сопереживает ему, вспоминая все ситуации, приведшие к расставанию с Эстеллой.

Рассматривая перевод романа на русский язык, нами было обнаружено 16 иронических словосочетаний: крылатых выражений, афоризмов, устойчивых сочетаний, сравнений и олицетворений. Данная выборка приведена в следующей таблице вместе с русским переводом (табл. 2.1):

Таблица 2.1 — Таблица лексических единиц и их перевода на русский язык

<i>for that's a deal to say</i>	Через край хватил
<i>The last word grated on me</i>	Слово больно резануло
<i>I would lay aside this last vestige of reserve</i>	Заветная мечта
<i>I would tell him what I had in my thoughts</i>	Поговорить по душам
<i>like the Bee</i>	Подобно трудовой пчёлке
<i>I'll let you go to the moon, I'll let you go to the stars.</i>	Отпущу твою душеньку
<i>O you enemy, you enemy!</i>	Дьявольское отродье
<i>he saw the finger of Providence</i>	Видит перст божий
<i>God knows</i>	Видит бог
<i>was the saddened, softened light</i>	Тихая печаль
<i>to be a old offender of wiolet passion</i>	Закоренелый преступник
<i>ecstasy of unhappiness</i>	Восторг страдания

Окончание таблицы 2.1

<i>without uttering one vain word of appeal</i>	Тщетная мольба
<i>saluted the bride at parting</i>	Испортить праздник
<i>sooner or later</i>	Рано или поздно
<i>O Lord, be merciful to him a sinner!</i>	Боже! Будь милостив!

Отметим, что, не смотря на отсутствие у некоторых единиц прямого перевода, метод художественного перевода полностью смог передать ироничность фраз, используемых в британском социуме того времени. Учитывая, что данные фразы представители различных сословий могли использовать в разных ситуациях, ирония данных фраз отражает различные речевые жанры британской иронии.

В первой главе среди средств реализации иронии в тексте нами было выделено олицетворение, введённое Б. А. Гомлешко. Однако, не следует путать данное средство со стилистическим приёмом, так как в данном случае олицетворение представляет собой отдельное слово, ставшее полноценным ироническим концептом [34]. Таким примером в романе нами было выделен концепт “*gentleness*”. Данный концепт проходит красной нитью через сюжет романа. Главный герой Пип проходит тернистый путь от подмастерья до лондонского джентльмена. Образ английского джентльмена очень традиционный и воссоздается в романе через диалоги:

“Biddy”, I cried, getting up, putting my arm round her neck, and giving her a kiss, «I shall always tell you everything”. “Till you’re a gentleman”, said Biddy. “You know I never shall be, so that’s always. Not that I have any occasion to tell you anything, for you know everything I know, – as I told you at home the other night” [67, с. 121].

Главное жизненное стремление юного Пипа-Диккенса было связано с жадной стать джентльменом. Внешне ему это удалось: получив значительные денежные средства, не зная об их совсем не благородном, даже преступном происхождении, он входит в круг викторианской элиты, но перемены участи в глубинном смысле, что сознает и сам Пип, не происходит. Герой понимает, что джентльменство не добывается деньгами, что оно, как ни печально осознавать, является врожденным [68, с. 36-41]. Для Ч. Диккенса образ джентльмена — это ирония. Е. В. Булатая утверждает, что именно ирония, выстраивая второй план текста, формирует концепт [56]. В романе действительность не сходится с традиционным образом джентльмена, даже когда описывается высшее сословие (например, Памблчук, также главный герой романа):

“The sergeant took a polite leave of the ladies, and parted from Mr. Pumblechook as from a comrade; though I doubt if he were quite as fully sensible

of that gentleman's merits under arid conditions, as when something moist was going. His men resumed their muskets and fell in" [67, с. 33].

Ироничное отношение к героям добавляет в семантику лексем авторское отношение. Лексема приобретает иной смысл: поведение героев не отвечает тем требованиям и характеристикам, которые изначально включены в обозначенное понятие [68, с. 36-41].

Полный список лингвистической выборки, иллюстрирующей иронические высказывания, приведён в приложении В.

Таким образом, на наш взгляд, в романе можно выделить ложную, горькую, трагическую, драматическую, уважительную и положительную виды иронии. Данная классификация несколько отличается от обнаруженных нами в литературных источниках ранее, но она позволяет более ярко и полно отразить особенности жизни и национальный характер британцев XIX века.

Выводы по второй главе.

1. Являясь обязательным элементом стиля коммуникации, ирония отражает национальные особенности британской лингвокультуры. Ирония в британском обществе XIX века — это средство психологической защиты, основой которой является психологическая игра. Среди особенностей британского стиля коммуникации можно выделить:

- взятие паузы во время разговора,
- наличие зоны личной автономности,
- соблюдение принципа вежливости,

Взаимодействие иронии и принципа вежливости помогает англичанам оставаться в дружеских взаимоотношениях с собеседником, не напоминать плохую ситуацию, а играть эмоциями, что делает британскую иронию дипломатичной.

2. Ирония в целом характеризует класс британской аристократии XIX века, однако их ироническое мировоззрение несёт отрицательную оценку. Сравнивая с белорусским социумом, британская ирония более жестка и саркастична. Белорусская ирония более дружелюбна и несёт характер добродушной насмешки над ситуацией.

3. Проанализированный нами роман является примером взаимодействия авторской иронии и иронии персонажа. Это объясняется стилем написания от первого лица. Персонаж не только является участником событий, но и комментирует происходящее в своих монологах.

4. Основное правило принципа вежливости, присутствующего в колких высказываниях британцев, — скрытая ирония. Она выражается в мысленном оценивании объекта иронии. Однако, ироническая оценка может быть и положительной. Положительная оценка и проявление коллективной взаимопомощи функционируют в качестве психологической защиты.

5. Внутри межклассового общения обнаруживается соблюдение принципа вежливости. Однако для представителей аристократии свойственна и конфликтность ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Человеческое общество нельзя представить без иронии. Ирония — это не просто стилистический приём, а полноценная языковая категория. В перспективе современного подхода ирония не рассматривается как инструмент украшения речи, а составляющая прагматики, обладающая своими средствами создания и функционирования во всех аспектах языка [69]. Тем не менее, традиционный подход позволяет рассматривать различные трактовки понятия иронии как у отечественных, так и у зарубежных исследователей.

В данной дипломной работе нами были рассмотрены специфика репрезентации иронии в британской лингвокультуре в рамках современного и традиционного подхода на примере романа Чарльза Диккенса «Большие надежды»/ *“Great Expectations”*.

В начале исследования была поставлена цель — выявление принципов функционирования и средств реализации иронии и в англоязычном тексте. В романе Ч. Диккенса «Большие надежды» выделены следующие принципы функционирования феномена иронии:

- Основная функция иронии — проявление оценочного суждения.
- Авторская ирония реализуется на всех уровнях языка.
- Ирония в британской лингвокультуре отражает различные речевые жанры.

В ходе исследования были выполнены следующие задачи:

1. Выяснить сущность понятия «ирония» и ее отличие от смежных понятий. Анализ феномена иронии и его сравнение со смежными понятиями, такими как, юмор, метафора, антифразис, антонимия, сарказм, сатира, катарсис позволили сделать вывод о том, что обозначенные понятия, конечно же, имеют ряд пересечений в структуре семантического поля, но, тем не менее, не совпадают. Несмотря на то, что многие исследователи находят сходство в вышеприведённых понятиях в противоположности контекстуального смысла прямому значению сказанного. Различаются обозначенные феномены не только по содержанию, но и по функции в языке. Иронию мы определим как реализацию внутри единой языковой структуры противоположных друг другу значений (контекстуального и реального), выражая субъективно-оценочную модальность.

2. Изучить особенности функционирования иронии с точки зрения лингвокультурологического подхода. В работе показано функционирование иронии в рамках национального стиля коммуникации. Британцы справедливо обладают монополией на иронию. Ирония в британской лингвокультуре выступает как психологическая игра — способности личности быть готовой защищать себя психологически. Английское общество можно разделить на

классы, различия которых будут видны в языке. Особенность британского дискурса заключается во взаимодействии иронии и принципа вежливости. Основная черта персонажей анализируемого романа — это скрытность иронии и использование пауз. Данные явления отражают британскую культуру и быт жителей туманного Альбиона.

3. Рассмотреть особенности реализации принципа иронии в британском дискурсе.

Основными средствами реализации иронии в романе явились следующие:

- Реализация оценочного отношения через словосочетания.
- Использование авторских аллегорий.
- Использование афоризмов.
- Выражение похвалы.
- Проявление выдержки и соблюдение пауз внутри речи.

Перспектива продолжения проведенного исследования видится в изучении иронической просодии (звучащей речи) и сравнении результатов просодического дискурса британского и белорусского социумов.

В заключении следует отметить, что в данной дипломной работе были достигнуты все цели и задачи. Ирония действительно является неотъемлемым языковым явлением и важнейшей составляющей современного англоязычного общества.

Купалы ; редкол.: И. Н. Кавинкина [и др.]. — Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2022 г. — С. 342-345.

10. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://csl.isc.irk.ru/BD/Ucheb/Арнольд%20И.В.%20-%20Стилистика.%20Современный%20английский%20язык%20-%202010.pdf>. — Дата доступа: 13.05.2024.

11. Щуцкий, А. Б. Окнигах, авторах и многом другом... = Of books and authors, and what not... : учеб.-метод. Пособие / авт.: А. Б. Щуцкий, А. А. Савко, В. К. Коновалик. — Барановичи : РИО БарГУ, 2008. — 136 с.

12. Rachel Giora Lying, Irony, and Default Interpretation / Giora Rachel [Electronic resource]. — Mode of access: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198736578.013.26>. — Date of access: 13.05.2024.

13. Nicola Spotorno Ironic Utterances / Spotorno Nicola, Noveck Ira [Electronic resource]. — Mode of access: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198791768.013.16>. — Date of access: 13.05.2024.

14. Jeanne Fahnestock Tropes / Fahnestock Jeanne [Electronic resource]. — Mode of access: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199764129.003.0006>. — Date of access: 13.05.2024.

15. Brigitta Busch The Linguistic Repertoire Revisited / Busch Bregitta [Electronic resource]. — Mode of access: doi:10.1093/applin/ams056. — Date of access: 13.05.2024.

16. James Edwin Mahon Classic Philosophical Approaches to Lying and Deception / Mahon J. E. [Electronic resource]. — Mode of access: doi:10.1093/oxfordhb/9780198736578.013.2. — Date of access: 13.05.2024.

17. Зинченко, Н. С. Ирония как многоаспектный феномен: методологические основы анализа / Н. С. Зинченко [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-kak-mnogoaspektnyy-fenomen-metodologicheskie-osnovy-analiza-hudozhestvennogo-diskursa/viewer>. — Дата доступа: 13.05.2024.

18. Ермакова, О. П. Ирония и её роль в жизни языка / Ермакова О. П. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=136212. — Дата доступа: 13.05.2024.

19. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — С. 526.

20. Alexei Shmelev *Semantic Shifts as Source of Enantiosemy* // *The Lexical Typology of Semantic Shifts* / Päivi Juvonen, Maria Koptjevskaja-Tamm. — М.: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2016. — С. 67—95.

21. Шаронов, И. А. ирония и антонимия / И. А. Шаронов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://llsh.ru/books/llsh0708.pdf#page=322>. — Дата доступа: 13.05.2024.

22. Петрова, О. Г. Ирония и разные типы комического в художественном тексте / О. Г. Петрова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://xn--e1aaifpcds8ay4h.com.ua/pages/view/349>. — Дата доступа: 13.05.2024.

23. Слово в языке и речевой деятельности [Текст] : Материалы круглого стола, посвящённые памяти профессора кафедры лексикологии английского языка И. И. Токаревой, Минск, 14 декабря, 2006 г. / Министерство образования Республики Беларусь, Минск. гос. лингвист. ун-т. ; редкол.: А. П. Клименко, О. А. Зинина, М. П. Телень. — Минск : МГЛУ, 2007. — 124 с.

24. Орехова, М. П. Ирония как компонент комического: лингвофилософский аспект / М. П. Орехова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-kak-komponent-komicheskogo-lingvofilosofskiy-aspekt/viewer>. — Дата доступа: 13.05.2024.

25. Ваврешук, М. С. Ирония в английской литературе / М. С. Ваврешук [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sciencen.org/assets/Kontent/Konferencii/Arhiv-konferencij/KOF-604.pdf#page=19>. — Дата доступа: 13.05.2024.

26. Якубович, М. С. Ирония и сарказм в практике межкультурного общения / М. С. Якубович // *Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов (выпуск 25) : сб. ст. / Факультет международных отношений Белорус. гос. ун-та ; под общ. ред. В. Г. Шадурского. — Минск, изд. «Четыре четверти», 2021. — С. 441-443.*

27. Ткачова, П. П. Да праблемы межаў гумару і сатыры ў сістэме родаў літаратуры / П. П. Ткачова // *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. — 2007. - №4. — С. 92-96.*

28. Переяслова, М. О. Катарсис и смежные понятия / М. О. Переяслова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/katarsis-i-smezhnye-ponyatiya/viewer>. — Дата доступа: 13.05.2024.

29. Илларионова, И. О. Контрастивный анализ выражения иронии в британском и американском вариантах английского языка / И. О. Илларионова // *Евразийский Союз Учёных (ЕСУ). — 2018. — № 4 (49). — С. 49-51.*

30. Кшичковская, Д. И. Определение и типы иронии (на примере романа Джерома Клапки Джерома «Трое на четырёх колёсах») / Д. И. Кшичковская

[Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://interactive-plus.ru/e-articles/648/Action648-508944.pdf>. — Дата доступа: 13.05.2024.

31. Воробьева, К. А. «Авторская ирония» и «ирония от персонажей» в рассказах О. Генри / К. А. Воробьева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-ironiya-i-ironiya-ot-personazhey-v-rasskazah-o-genri/viewer>. — Дата доступа: 13.05.2024.

32. Наумова, А. И. Классификация видов иронии / А. И. наумова, О. А. Шутова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ami.im/sbornik/MNPK-187-2.pdf#page=162>. — Дата доступа: 13.05.2024.

33. Горностаева, А. А. Ирония в английской и русской коммуникативных культурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. А. Горностаева. — Москва, 2013. — 264 с.

34. Гомлешко, Б. А. Прагматические функции иронии в тексте / Б. А. Гомлешко [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticcheskie-funktsii-ironii-v-tekste/viewer>. — Дата доступа: 13.05.2024.

35. Негрышев, А. А. Языковая игра в новостном медиатексте: референциально-прагматический аспект / А. А. Негрышев [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-v-novostnom-mediatekste-referentsialno-pragmaticcheskiy-aspekt/viewer>. — Дата доступа: 13.05.2024.

36. Гомлешко, Б. А. Языковые средства выражения иронии в художественных текстах Джона Голсуорси: лингвопрагматический аспект (на материале языка романа «Сага о Форсайтах») : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / Б. А. Гомлешко ; Майкоп, 2008. — 27 с.

37. Большая российская энциклопедия 2004-2017 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4216765>. — Дата доступа: 13.05.2024.

38. Рыбина, М. С. Способы выражения иронии в романе Ф. Кафки «Процесс» / М. С. Рыбина, З. Э. Закирзянова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-vyrazheniya-ironii-v-romane-f-kafki-protsess>. — Дата доступа: 13.05.2024.

39. Капацинская, В. М. Обучение студентов педагогического вызва речевым средствам создания юмора и иронии / В. М. Капацинская [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://irbis.gnpbu.ru/Aref/1996/Kapacinskaya_V_M_1996.pdf. — Дата доступа: 13.05.2024.

40. Филимонова, Н. Г. Ирония и особенности её реализации в художественном тексте / Н. Г. Филимонова, Е. И. Крылова [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

<https://core.ac.uk/download/pdf/333602688.pdf#page=186>. — Дата доступа: 13.05.2024.

41. Дырин А.И. Ирония и сарказм как речезыковые средства отражения морально-этических ценностей британского социума (на материале произведений современной художественной британской литературы): 10.02.19 – теория языка/ А. И. Дырин. автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2012.

42. Якубович, М. С. Частеречное наполнение и структура иронических высказываний в русском и английском языках / М. С. Якубович // Молодежь и наука: слово, текст, личность. К 90-летнему юбилею УлГПУ им. И.Н. Ульянова : материалы VI Международ. молодежной научн-практ. конф., Ульяновск, 12-13 мая 2022 г. / Ульяновск. гос. пед. ун-т. им. И. Н. Ульянова ; ответ. ред. Ю. А. Лобина. — Ульяновск : УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2022 г. — С. 175-177.

43. Булатая, Е. В. Ирония как имплицитная форма выражения авторской модальности в художественном тексте (на материале произведений Н. В. Гоголя и их немецкоязычного перевода) / дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01; 10.02.19 / Е. В. Булатая. — Калининград, 2017. — 224 с.

44. Сидорова, Е. Ю. Вербальная агрессия как коммуникативно-прагматическое явление / Е. Ю. Сидорова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnaya-agressiya-kak-kommunikativno-pragmaticheskoe-yavlenie/viewer>. — Дата доступа: 13.05.2024.

45. Кузнецова, А. В. Языковая игра и ирония в художественном тексте: лингвокультурологический аспект / А. В. Кузнецова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-i-ironiya-v-hudozhestvennom-tekste-lingvokulturologicheskiy-aspekt/viewer>. — Дата доступа: 13.05.2024.

46. Заврумов, З. А. Прагматическая структура иронии в аспекте языковой игры: интенциональность и оценочность / З. А. Заврумов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskaya-struktura-ironii-v-aspekte-yazykovoy-igry-intentsionalnost-i-otsenochnost>. — Дата доступа: 13.05.2024.

47. Охримович, К. В. Ирония и принцип вежливости в английском диалоге : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / К. В. Охримович. — Уфа, 2004. — 231 с.

48. Якубович, М. С. The Mechanism of Irony as a Phenomenon of Language Play. Transmission of Language Play in Translation / М. С. Якубович // Иностранные языки и современный мир : сб. материалов Междунар. науч. конф. студентов, Брест, 15 апреля 2022 г. / Брест. гос. ун-т. имени

А. С. Пушкина ; редкол.: Л. М. Максимук [и др.]. – Брест : БрГУ, 2022. — С. 392-395.

49. Ликинова, О. А. Виды иронии — насмешки и средства их выражения в звучащем англоязычном тексте / О. А. Ликинова [Электронный ресурс]. — Режим работы: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-ironii-nasmeshki-i-sredstva-ih-vyrazheniya-v-zvuchaschem-angloyazychnom-hudozhestvennom-tekste/viewer>. — Дата доступа: 13.05.2024.

50. Горностаева, А. А. Ирония как компонент английского стиля коммуникации / А. А. Горностаева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://books.google.by/books?hl=ru&lr=&id=709SDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PT3&dq=%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD+%22%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F%22&ots=fua7sTTQK0&sig=51LZ9BwCvGn3CyxFccdBi0_unE8&redir_esc=y#v=onepage&q=%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%20%22%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F%22&f=false. — Дата доступа: 13.05.2024.

51. Горностаева, А. А. Ирония как культурный и языковой феномен / А. А. Горностаева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-kak-kulturnyy-i-yazykovoy-fenomen>. — Дата доступа: 13.05.2024.

52. Васильева, Е. Д. «Сохранение лица» — цель или средство? Социально-психологические характеристики концепта лица / Е. Д. Васильева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-litsa-tsel-ili-sredstvo-sotsialno-psihologicheskie-harakteristiki-kontseptsii-litsa/viewer>. — Дата доступа: 13.05.2024.

53. Яшина, Е. А. Типология парадоксов в художественном тексте / Е. А. Яшина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-paradoksov-v-hudozhestvennom-tekste>. — Дата доступа: 13.05.2024.

54. Лабашева, Н. А. Ирония как элемент семанико-смыслового пространства художественного текста / Н. А. Лабашева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-kak-element-semantiko-smyslovogo-prostranstva-hudozhestvennogo-teksta>. — Дата доступа: 13.05.2024.

55. Дудникова, Л. В. О некоторых особенностях реализации иронии в художественном тексте / Л. В. Дудникова, М. С. Шевченко [Электронный ресурс]. — Режим доступа: DOI 10.18522/1995-0640-2020-3-38-45. — Дата доступа: 13.05.2024.

56. Булатая, Е. В. К вопросу иронической оценки в художественном тексте / Е. В. Булатая [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

https://elibrary.ru/download/elibrary_27609566_71686532.pdf. — Дата доступа: 13.05.2024.

57. Вышинская, Т. Н. Средства реализации иронии в художественном тексте / Т. Н. Вышинская [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rep.brsu.by/bitstream/handle/123456789/4083/%D0%92%D1%8B%D1%88%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. — Дата доступа: 13.05.2024.

58. Морова, О. Л. Ирония в художественном тексте: виды, способы образования и функции / О. Л. Морова, Ю. А. Фокеева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_32657100_69649941.pdf. — Дата доступа: 13.05.2024.

59. Филипп Дормер Стенхол Честерфилд Письма к сыну / Ф. Д. С. Честерфилд [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/filipp-dormer-stenhop-chesterfiled/pisma-k-synu-312452/chitat-onlayn/>. — Дата доступа: 13.05.2024.

60. Туяков, В. Н. Ирония как лингвокультурный феномен и просодические средства её реализации в современном британском устном речевом дискурсе / В. Н. Туяков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24160997_69721352.pdf. — Дата доступа: 13.05.2024.

61. Манкевич, Ж. Б. Психологические особенности иронического поведения британцев XIX— XX веков / Ж. Б. Манкевич, М. С. Якубович // Векторы инновационного развития : материалы I Международной науч.-практ. конф., Барановичи, 11 декабря 2020 г. / Баранович. гос. ун-т. ; редкол.: В. В. Климук [и др.]. — Барановичи : БарГУ, 2020 г. — С. 170-171.

62. Горностаева, А. А. Ирония и коммуникативные ценности: межкультурный аспект / А. А. Горностаева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44629694_68029458.pdf. — Дата доступа: 13.05.2024.

63. Якубович, М. С. Вежливая ирония как феномен англоязычной культуры / М. С. Якубович // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов (выпуск 24) : сб. ст. / Факультет международных отношений Белорус. гос. ун-та ; под общ. ред. В. Г. Шадурского. — Минск, изд. «Четыре четверти», 2020. — С. 433-435.

64. Yakubovich, M. S. British irony vs Russian and Belarusian ones / M. S. Yakubovich, Zh. V. Mankevich // Modern challenges in science and education = Современные вызовы в науке и образовании : материалы I науч.-практ. конф., Барановичи, 29 апреля 2022 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Баранович. гос. ун-т ; редкол.: В. В. Климук (гл.ред). — Барановичи : БарГУ, 2021. — С. 56.

65. Тисленкова, И. А. Ирония-статусный символ высших классов Англии / И. А. Тисленкова, Е. А. Глебова, И. В. Бганцева, Е. Ю. Ионкина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-statusnyy-simvol-vysshih-klassov-anglii>. — Дата доступа: 13.05.2024.
66. Липустина, О. М. Средства выражения иронии на уровне синтаксиса / О. М. Липустина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/298540/1/245-250.pdf>. — Дата доступа: 13.05.2024.
67. Dickens, Ch. Great expectations / Ch. Dickens. — Penguin Popular Classics, 1994. — 443 p.
68. Якубович, М. С. Языковая игра как теория порождения принципа иронии (на материале английского языка) / М. С. Якубович // Теоретические и практические аспекты современной науки (Theoretical and practical aspects of the development of modern science) : материалы Международ. научн-практ. конф., Кишинев, Молдавия, 13 марта 2023 г. / Редкол.: А. И. Вострецов. — научн.-изд. центр «Мир науки», 2023 г. — С. 36-41.
69. Зиновьева, Т. А. Особенности исследования иронии как лингвистической категории / Т. А. Зиновьева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-issledovaniya-ironii-kak-lingvisticheskoy-kategorii/viewer>. — Дата доступа: 13.05.2024.

СООТНОШЕНИЕ СМЕЖНЫХ ПОНЯТИЙ С ТЕРМИНОМ ИРОНИЯ

Таблица А.1 — Отличие понятия иронии от смежных терминов

Термин	Исследуемое понятие	Смежный термин
Риторическая фигура, в которой слова употребляются в смысле, обратном буквальному, с целью насмешки.	Ирония	Юмор
Скрытая насмешка, спрятанная в менее благосклонных высказываниях.	Ирония	Сатира
Средство, при помощи которого раскрываются смешные отношения к жизни.	Ирония	Сарказм
Единая категория преднамеренных искажений (энантиосемия).	Ирония	Антифразис
Семантическую инверсию смысла слова в значение, противоположное буквальному, с использованием идентифицирующей лексики	Ирония	Метафора
Способность лексемы выразить антонимические значения в диахроническом аспекте.	Ирония	Антонимия
Присутствие несовпадения в тексте с действительностью, когда конфликт, оставаясь неразрешённым, не подавляет коммуниканта.	Ирония	Катарсис

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИРОНИИ С ПРИНЦИПА ВЕЖЛИВОСТИ

Таблица Б.1 — Взаимодействие теории «сохранения лица» П. Брауна и С. Левинсона с функционированием иронии

Принцип вежливости		Теория «сохранения лица»
Ирония, направленная на:	Функция иронии	Ирония повреждает:
Соблюдение максимы Скромности	Самокритика при реагировании на комплемент	«Позитивное лицо» реагирующего адресата
Соблюдение максимы Благодарства	1. Самоуничтожение в ответ на вопрос; 2. Принижение своих качеств говорящим; 3. Самооправдание говорящего.	1. «Позитивное лицо» реагирующего адресата; 2. «Позитивное лицо» говорящего; 3. «Негативное лицо» говорящего.
Нарушение максимы Такта	Побуждение, совет, угроза	«Негативное лицо» адресата
Нарушение максимы одобрения	Критика, неодобрение адресата	«Позитивное лицо» адресата
Нарушение максимы Согласия	Несогласие с собеседником	
Нарушение максимы Симпатии	Проявление антипатии к собеседнику	

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВЫБОРКА

1. *“Lord bless the boy!”* [67, с. 15].

2. *“I’m rather partial to Carols, myself, and that’s the best of reasons for my never hearing any.”* [67, с. 22].

3. *“He was a world of trouble to you, ma’am,”* said Mrs. Hubble, commiserating my sister.

“Trouble?” echoed my sister; *“trouble?”* and then entered on a fearful catalogue of all the illnesses I had been guilty of, and all the acts of sleeplessness I had committed, and all the high places I had tumbled from, and all the low places I had tumbled into, and all the injuries I had done myself, and all the times she had wished me in my grave, and I had contumaciously refused to go there.” [67, с. 27].

4. *“Swine,”* pursued Mr. Wopsle, in his deepest voice, and pointing his fork at my blushes, as if he were mentioning my Christian name,—*“swine were the companions of the prodigal. The gluttony of Swine is put before us, as an example to the young.”* (I thought this pretty well in him who had been praising up the pork for being so plump and juicy.) *“What is detestable in a pig is more detestable in a boy.”*

“Or girl,” suggested Mr. Hubble.

“Of course, or girl, Mr. Hubble,” assented Mr. Wopsle, rather irritably, *“but there is no girl present.”*

“Besides,” said Mr. Pumblechook, turning sharp on me, *“think what you’ve got to be grateful for. If you’d been born a Squeaker—”* [67, с. 27].

5. *“Excuse me, ladies and gentleman,”* said the sergeant, *“but as I have mentioned at the door to this smart young shaver,”* (which he hadn’t), *“I am on a chase in the name of the king, and I want the blacksmith.”*

“And pray what might you want with him?” retorted my sister, quick to resent his being wanted at all.

“Missis,” returned the gallant sergeant, *“speaking for myself, I should reply, the honour and pleasure of his fine wife’s acquaintance; speaking for the king, I answer, a little job done.”*

This was received as rather neat in the sergeant; insomuch that Mr. Pumblechook cried audibly, “Good again!”

“You see, blacksmith,” said the sergeant, who had by this time picked out Joe with his eye, *“we have had an accident with these, and I find the lock of one of ’em goes wrong, and the coupling don’t act pretty. As they are wanted for immediate service, will you throw your eye over them?”* [67, стр. 30].

6. *If you’re ready, his Majesty the King is.* [67, с. 31].

7. *the best tune on the Musical Glasses! Your health!* [67 5, с. 32].

8. *"You are expected on board," said the sergeant to my convict; "they know you are coming. Don't straggle, my man. Close up here."* [67, c. 37].

9. *With that, she pounced upon me, like an eagle on a lamb, and my face was squeezed into wooden bowls in sinks, and my head was put under taps of water-butts, and I was soaped, and kneaded, and towelled, and thumped, and harrowed, and rasped, until I really was quite beside myself. (I may here remark that I suppose myself to be better acquainted than any living authority, with the ridgy effect of a wedding-ring, passing unsympathetically over the human countenance.)*

When my ablutions were completed, I was put into clean linen of the stiffest character, like a young penitent into sackcloth, and was trussed up in my tightest and fearfullest suit. [67, c. 50].

10. *this boy's fortune may be made by his going to Miss Havisham's.* [67, c. 50].

11. *God bless you, Pip, old chap* [67, c. 50].

12. *At last we came to the door of a room, and she said, "Go in."*

I answered, more in shyness than politeness, "After you, miss."

To this she returned: "Don't be ridiculous, boy; I am not going in." And scornfully walked away, and—what was worse—took the candle with her.

This was very uncomfortable, and I was half afraid. [67, c. 54].

13. *"Am I pretty?"*

"Yes; I think you are very pretty."

"Am I insulting?"

"Not so much so as you were last time," said I.

"Not so much so?"

"No."

She fired when she asked the last question, and she slapped my face with such force as she had, when I answered it.

"Now?" said she. "You little coarse monster, what do you think of me now?"

"I shall not tell you."

"Because you are going to tell upstairs. Is that it?"

"No," said I, "that's not it."

"Why don't you cry again, you little wretch?"

"Because I'll never cry for you again," said I. Which was, I suppose, as false a declaration as ever was made; for I was inwardly crying for her then, and I know what I know of the pain she cost me afterwards. [67, c. 77].

14. *We went on our way upstairs after this episode; and, as we were going up, we met a gentleman groping his way down.*

"Whom have we here?" asked the gentleman, stopping and looking at me.

"A boy," said Estella.

He was a burly man of an exceedingly dark complexion, with an exceedingly large head, and a corresponding large hand. He took my chin in his large hand and turned up my face to have a look at me by the light of the candle. He was prematurely bald on the top of his head, and had bushy black eyebrows that wouldn't lie down but stood up bristling. His eyes were set very deep in his head, and were disagreeably sharp and suspicious. He had a large watch-chain, and strong black dots where his beard and whiskers would have been if he had let them. He was nothing to me, and I could have had no foresight then, that he ever would be anything to me, but it happened that I had this opportunity of observing him well.

"Boy of the neighbourhood? Hey?" said he.

"Yes, sir," said I.

"How do you come here?"

"Miss Havisham sent for me, sir," I explained.

"Well! Behave yourself. I have a pretty large experience of boys, and you're a bad set of fellows. Now mind!" said he, biting the side of his great forefinger as he frowned at me, "you behave yourself!"

With those words, he released me—which I was glad of, for his hand smelt of scented soap—and went his way downstairs. [67, c. 78].

15. Miss Havisham would often ask me in a whisper, or when we were alone, "Does she grow prettier and prettier, Pip?" And when I said yes [for indeed she did], would seem to enjoy it greedily. [67, c. 89].

16. Besides, that shrinking from having Miss Havisham and Estella discussed, which had come upon me in the beginning, grew much more potent as time went on. [67, c. 90].

17. "Which I mean to say, Pip," Joe now observed in a manner that was at once expressive of forcible argumentation, strict confidence, and great politeness, "as I hup and married your sister, and I were at the time what you might call [if you was anyways inclined] a single man." ... "You know, Pip," replied Joe, "as you and me were ever friends" [67, c. 94].

18. "I should think not! Now, Mr. Pip, I have done with stipulations." Though he called me Mr. Pip, and began rather to make up to me, he still could not get rid of a certain air of bullying suspicion; and even now he occasionally shut his eyes and threw his finger at me while he spoke, as much as to express that he knew all kinds of things to my disparagement, if he only chose to mention them. ... "I tell you at once, I am paid for my services, or I shouldn't render them. It is considered that you must be better educated, in accordance with your altered position, and that you will be alive to the importance and necessity of at once entering on that advantage." [67, c. 130].

19. Joe laid his hand upon my shoulder with the touch of a woman. I have often thought him since, like the steam-hammer that can crush a man or pat an egg-shell, in

his combination of strength with gentleness. ... O dear good faithful tender Joe, I feel the loving tremble of your hand upon my arm, as solemnly this day as if it had been the rustle of an angel's wing! [67, c. 132].

20. *Mr. Jagers had looked on at this, as one who recognised in Joe the village idiot, and in me his keeper. When it was over, he said, weighing in his hand the purse he had ceased to swing:—*

“Now, Joseph Gargery, I warn you this is your last chance. No half measures with me. [67, c. 132].

21. *I found him to be a dry man, rather short in stature, with a square wooden face, whose expression seemed to have been imperfectly chipped out with a dull-edged chisel. There were some marks in it that might have been dimples, if the material had been softer and the instrument finer, but which, as it was, were only dints. The chisel had made three or four of these attempts at embellishment over his nose, but had given them up without an effort to smooth them off. I judged him to be a bachelor from the frayed condition of his linen, and he appeared to have sustained a good many bereavements; for he wore at least four mourning rings, besides a brooch representing a lady and a weeping willow at a tomb with an urn on it. I noticed, too, that several rings and seals hung at his watch-chain, as if he were quite laden with remembrances of departed friends. He had glittering eyes,—small, keen, and black,—and thin wide mottled lips. He had had them, to the best of my belief, from forty to fifty years.* [67, c. 157].

22. *“Let me introduce the topic, Handel, by mentioning that in London it is not the custom to put the knife in the mouth,—for fear of accidents,—and that while the fork is reserved for that use, it is not put further in than necessary. It is scarcely worth mentioning, only it's as well to do as other people do. Also, the spoon is not generally used over-hand, but under. This has two advantages. You get at your mouth better [which after all is the object], and you save a good deal of the attitude of opening oysters, on the part of the right elbow.”* [67, c. 165].

23. *“I shall not rest satisfied with merely employing my capital in insuring ships. I shall buy up some good Life Assurance shares, and cut into the Direction. I shall also do a little in the mining way. None of these things will interfere with my chartering a few thousand tons on my own account. I think I shall trade,”* said he, leaning back in his chair, *“to the East Indies, for silks, shawls, spices, dyes, drugs, and precious woods. It's an interesting trade.”*

“And the profits are large?” said I.

“Tremendous!” said he.

I wavered again, and began to think here were greater expectations than my own.

“I think I shall trade, also,” said he, putting his thumbs in his waist-coat pockets, “to the West Indies, for sugar, tobacco, and rum. Also to Ceylon, especially for elephants’ tusks.”

“You will want a good many ships,” said I.

“A perfect fleet,” said he. [67, c. 169].

24. “I am my own engineer, and my own carpenter, and my own plumber, and my own gardener, and my own Jack of all Trades,” [67, c. 191].

25. Dinner done and we sitting with our feet upon the fender, I said to Herbert, “My dear Herbert, I have something very particular to tell you.”

“My dear Handel,” he returned, “I shall esteem and respect your confidence.”

“It concerns myself, Herbert,” said I, “and one other person.”

Herbert crossed his feet, looked at the fire with his head on one side, and having looked at it in vain for some time, looked at me because I didn’t go on.

“Herbert,” said I, laying my hand upon his knee, “I love—I adore—Estella.”

Instead of being transfixed, Herbert replied in an easy matter-of-course way, “Exactly. Well?”

“Well, Herbert? Is that all you say? Well?”

“What next, I mean?” said Herbert. “Of course I know that.”

“How do you know it?” said I.

“How do I know it, Handel? Why, from you.”

“I never told you.” [67, c. 227-228].

26. Gravely, Handel, for the subject is grave enough, you know how it is as well as I do. I suppose there was a time once when my father had not given matters up; but if ever there was, the time is gone. May I ask you if you have ever had an opportunity of remarking, down in your part of the country, that the children of not exactly suitable marriages are always most particularly anxious to be married?”

This was such a singular question, that I asked him in return, “Is it so?”

“I don’t know,” said Herbert, “that’s what I want to know. Because it is decidedly the case with us. My poor sister Charlotte, who was next me and died before she was fourteen, was a striking example. Little Jane is the same. In her desire to be matrimonially established, you might suppose her to have passed her short existence in the perpetual contemplation of domestic bliss. Little Alick in a frock has already made arrangements for his union with a suitable young person at Kew. And indeed, I think we are all engaged, except the baby.”

“Then you are?” said I.

“I am,” said Herbert; “but it’s a secret.” [67, c.231].

27. On our arrival in Denmark, we found the king and queen of that country elevated in two arm-chairs on a kitchen-table, holding a Court. The whole of the Danish nobility were in attendance; consisting of a noble boy in the wash-leather boots

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ В

of a gigantic ancestor, a venerable Peer with a dirty face who seemed to have risen from the people late in life, and the Danish chivalry with a comb in its hair and a pair of white silk legs, and presenting on the whole a feminine appearance. [67, с. 233].

28. *It was wretched weather; stormy and wet, stormy and wet; and mud, mud, mud, deep in all the streets. Day after day, a vast heavy veil had been driving over London from the East, and it drove still, as if in the East there were an eternity of cloud and wind. [67, с. 287].*

29. *I rang for the tea, and the waiter, reappearing with his magic clue, brought in by degrees some fifty adjuncts to that refreshment, but of tea not a glimpse. A teaboard, cups and saucers, plates, knives and forks [including carvers], spoons [various], salt-cellars, a meek little muffin confined with the utmost precaution under a strong iron cover, Moses in the bulrushes typified by a soft bit of butter in a quantity of parsley, a pale loaf with a powdered head, two proof impressions of the bars of the kitchen fireplace on triangular bits of bread, and ultimately a fat family urn; which the waiter staggered in with, expressing in his countenance burden and suffering. After a prolonged absence at this stage of the entertainment, he at length came back with a casket of precious appearance containing twigs. These I steeped in hot water, and so from the whole of these appliances extracted one cup of I don't know what for Estella. [67, с. 246-247].*

30. *“O, look at her, look at her!” cried Miss Havisham, bitterly; “Look at her so hard and thankless, on the hearth where she was reared! Where I took her into this wretched breast when it was first bleeding from its stabs, and where I have lavished years of tenderness upon her!”*

“At least I was no party to the compact,” said Estella, “for if I could walk and speak, when it was made, it was as much as I could do. But what would you have? You have been very good to me, and I owe everything to you. What would you have?”

“Love,” replied the other.

“You have it.”

“I have not,” said Miss Havisham.

“Mother by adoption,” retorted Estella, never departing from the easy grace of her attitude, never raising her voice as the other did, never yielding either to anger or tenderness,—“mother by adoption, I have said that I owe everything to you. All I possess is freely yours. All that you have given me, is at your command to have again. Beyond that, I have nothing. And if you ask me to give you, what you never gave me, my gratitude and duty cannot do impossibilities.” [67, с. 279].

31. *“But as she grew, and promised to be very beautiful, I gradually did worse, and with my praises, and with my jewels, and with my teachings, and with this figure of myself always before her, a warning to back and point my lessons, I stole her heart away, and put ice in its place.” [67, с. 365].*

32. *“Biddy”, I cried, getting up, putting my arm round her neck, and giving her a kiss, «I shall always tell you everything”. “Till you’re a gentleman”, said Biddy. “You know I never shall be, so that’s always. Not that I have any occasion to tell you anything, for you know everything I know, – as I told you at home the other night” [67, c. 121].*

33. *“The sergeant took a polite leave of the ladies, and parted from Mr. Pumblechook as from a comrade; though I doubt if he were quite as fully sensible of that gentleman’s merits under arid conditions, as when something moist was going. His men resumed their muskets and fell in” [67, c. 33].*

34. *“Mr. Jagers had looked on at this, as one who recognised in Joe the village idiot, and in me his keeper. When it was over, he said, weighing in his hand the purse he had ceased to swing:—*

“Now, Joseph Gargery, I warn you this is your last chance. No half measures with me.” [67, c. 132].

35. *“for that’s a deal to say” [67, c. 425].*

36. *“The last word grated on me” [67, c. 430].*

37. *“I would lay aside this last vestige of reserve” [67, c. 430].*

38. *“I would tell him what I had in my thoughts” [67, c. 430].*

39. *“like the Bee” [67, c. 433].*

40. *“I’ll let you go to the moon, I’ll let you go to the stars” [67, c. 387].*

41. *“O you enemy, you enemy!” [67, c. 387].*

42. *“he saw the finger of Providence” [67, c. 435].*

43. *“God knows” [67, c. 438].*

44. *“was the saddened, softened light” [67, c. 441].*

45. *“to be a old offender of wiolet passion” [67, c. 321].*

46. *“ecstasy of unhappiness” [67, c. 333].*

47. *“without uttering one vain word of appeal” [67, c. 392].*

48. *“saluted the bride at parting” [67, c. 415].*

49. *“sooner or later” [67, c. 422].*

50. *“O Lord, be merciful to him a sinner!” [67, c. 420].*

51. *After darkly looking at his leg and me several times, he came closer to my tombstone, took me by both arms, and tilted me back as far as he could hold me; so that his eyes looked most powerfully down into mine, and mine looked most helplessly up into his [67, c. 7].*

52. *My sister, Mrs. Joe Gargery, was more than twenty years older than I, and had established a great reputation with herself and the neighbours because she had brought me up “by hand.” Having at that time to find out for myself what the expression meant, and knowing her to have a hard and heavy hand, and to be much in the habit of*

laying it upon her husband as well as upon me, I supposed that Joe Gargery and I were both brought up by hand [67, c. 9].

53. *She was not a good-looking woman, my sister; and I had a general impression that she must have made Joe Gargery marry her by hand* [67, c. 9].

54. *My sister, Mrs. Joe, with black hair and eyes, had such a prevailing redness of skin that I sometimes used to wonder whether it was possible she washed herself with a nutmeg-grater instead of soap. She was tall and bony, and almost always wore a coarse apron, fastened over her figure behind with two loops, and having a square impregnable bib in front, that was stuck full of pins and needles. She made it a powerful merit in herself, and a strong reproach against Joe, that she wore this apron so much. Though I really see no reason why she should have worn it at all; or why, if she did wear it at all, she should not have taken it off, every day of her life* [67, c. 10].

55. *It was Christmas Eve, and I had to stir the pudding for next day, with a copper-stick, from seven to eight by the Dutch clock. I tried it with the load upon my leg [and that made me think afresh of the man with the load on his leg] ...* [67, c. 14].

56. *All this time, I was getting on towards the river; but however fast I went, I couldn't warm my feet, to which the damp cold seemed riveted, as the iron was riveted to the leg of the man I was running to meet* [67, c. 18].

57. *I had often watched a large dog of ours eating his food; and I now noticed a decided similarity between the dog's way of eating, and the man's. The man took strong sharp sudden bites, just like the dog. He swallowed, or rather snapped up, every mouthful, too soon and too fast; and he looked sideways here and there while he ate, as if he thought there was danger in every direction of somebody's coming to take the pie away. He was altogether too unsettled in his mind over it, to appreciate it comfortably I thought, or to have anybody to dine with him, without making a chop with his jaws at the visitor. In all of which particulars he was very like the dog* [67, c. 20].

58. *"Leave any for him? Who's him?" said my friend, stopping in his crunching of pie-crust.*

"The young man. That you spoke of. That was hid with you." [67, c. 20].

59. *Joe, who had ventured into the kitchen after me as the dustpan had retired before us, drew the back of his hand across his nose with a conciliatory air, when Mrs. Joe darted a look at him, and, when her eyes were withdrawn, secretly crossed his two forefingers, and exhibited them to me, as our token that Mrs. Joe was in a cross temper. This was so much her normal state, that Joe and I would often, for weeks together, be, as to our fingers, like monumental Crusaders as to their legs* [67, c. 22].

60. *So, we had our slices served out, as if we were two thousand troops on a forced march instead of a man and boy at home; and we took gulps of milk and water, with apologetic countenances, from a jug on the dresser* [67, c. 23].

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ В

61. *I opened the door to the company,—making believe that it was a habit of ours to open that door,—and I opened it first to Mr. Wopsle, next to Mr. and Mrs. Hubble, and last of all to Uncle Pumblechook. N.B. I was not allowed to call him uncle, under the severest penalties [67, c. 24].*

62. *and Uncle Pumblechook [Joe's uncle, but Mrs. Joe appropriated him], who was a well-to-do cornchandler in the nearest town, and drove his own chaise-cart [67, c. 25].*

63. *Not because I was squeezed in at an acute angle of the tablecloth, with the table in my chest, and the Pumblechookian elbow in my eye, nor because I was not allowed to speak (I didn't want to speak)... [67, c. 25].*

64. *...nor because I was regaled with the scaly tips of the drumsticks of the fowls, and with those obscure corners of pork of which the pig, when living, had had the least reason to be vain [67, c. 25].*

65. *It began the moment we sat down to dinner. Mr. Wopsle said grace with theatrical declamation,—as it now appears to me, something like a religious cross of the Ghost in Hamlet with Richard the Third,—and ended with the very proper aspiration that we might be truly grateful [67, c. 26].*

66. *“... A man needn't go far to find a subject, if he's ready with his salt-box.” Mr. Pumblechook added, after a short interval of reflection, “Look at Pork alone. There's a subject! If you want a subject, look at Pork!” [67, c. 26].*

67. *I think the Romans must have aggravated one another very much, with their noses. Perhaps, they became the restless people they were, in consequence. Anyhow, Mr. Wopsle's Roman nose so aggravated me, during the recital of my misdemeanours, that I should have liked to pull it until he howled [67, c. 28].*

68. *“You must taste,” said my sister, addressing the guests with her best grace—“you must taste, to finish with, such a delightful and delicious present of Uncle Pumblechook's!”*

Must they! Let them not hope to taste it! [67, c. 29].

69. *“Excuse me, ladies and gentleman,” said the sergeant, “but as I have mentioned at the door to this smart young shaver,” (which he hadn't), “I am on a chase in the name of the king, and I want the blacksmith.” [67, c. 30].*

70. *“With you. Hob and nob,” returned the sergeant. “The top of mine to the foot of yours,—the foot of yours to the top of mine,—Ring once, ring twice,—the best tune on the Musical Glasses! Your health. May you live a thousand years, and never be a worse judge of the right sort than you are at the present moment of your life!” [67, c. 32].*

71. *“Well,” said Joe, passing the poker into his left hand, that he might feel his whisker; and I had no hope of him whenever he took to that placid occupation; “your sister's a master-mind. A master-mind.” [67, c. 47].*

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ В

72. *“What’s that?” I asked, in some hope of bringing him to a stand. But Joe was readier with his definition than I had expected, and completely stopped me by arguing circularly, and answering with a fixed look, “Her.” [67, c. 47].*

73. *“Oh!” she said. “Did you wish to see Miss Havisham?”*

“If Miss Havisham wished to see me,” returned Mr. Pumblechook, discomfited.

“Ah!” said the girl; “but you see she don’t.” [67, c. 53].

74. *Though she called me “boy” so often, and with a carelessness that was far from complimentary, she was of about my own age. She seemed much older than I, of course, being a girl, and beautiful and self-possessed; and she was as scornful of me as if she had been one-and-twenty, and a queen [67, c. 54].*

75. *“You say nothing of her,” remarked Miss Havisham to me, as she looked on. “She says many hard things of you, but you say nothing of her. What do you think of her?”*

“I don’t like to say,” I stammered.

“Tell me in my ear,” said Miss Havisham, bending down.

“I think she is very proud,” I replied, in a whisper.

“Anything else?”

“I think she is very pretty.”

“Anything else?”

“I think she is very insulting.” (She was looking at me then with a look of supreme aversion.)

“Anything else?”

“I think I should like to go home.”

“And never see her again, though she is so pretty?” [67, c. 58].

76. *“Why don’t you cry?”*

“Because I don’t want to.”

“You do,” said she. “You have been crying till you are half blind, and you are near crying again now.” [67, c. 63].

She laughed contemptuously, pushed me out, and locked the gate upon me.

77. *“Boy! What like is Miss Havisham?” Mr. Pumblechook began again when he had recovered; folding his arms tight on his chest and applying the screw.*

“Very tall and dark,” I told him [67, c. 63].

78. *We went on in this way for a long time, and it seemed likely that we should continue to go on in this way for a long time, when one day Miss Havisham stopped short as she and I were walking, she leaning on my shoulder; and said with some displeasure,—*

“You are growing tall, Pip!” [67, c. 91].

79. *When I got home at night, and delivered this message for Joe, my sister “went on the Rampage,” in a more alarming degree than at any previous period. She asked*

me and Joe whether we supposed she was door-mats under our feet, and how we dared to use her so, and what company we graciously thought she was fit for? [67, c. 92].

80. *“Oh!” said she to Joe. “You are the husband of the sister of this boy?”*

I could hardly have imagined dear old Joe looking so unlike himself or so like some extraordinary bird; standing as he did speechless, with his tuft of feathers ruffled, and his mouth open as if he wanted a worm.

“You are the husband,” repeated Miss Havisham, “of the sister of this boy?”

It was very aggravating; but, throughout the interview, Joe persisted in addressing Me instead of Miss Havisham.

“Which I meantsay, Pip,” Joe now observed in a manner that was at once expressive of forcible argumentation, strict confidence, and great politeness, “as I hup and married your sister, and I were at the time what you might call (if you was anyways inclined) a single man.” [67, c. 94].

81. *“Well!” said Miss Havisham. “And you have reared the boy, with the intention of taking him for your apprentice; is that so, Mr. Gargery?”*

“You know, Pip,” replied Joe, “as you and me were ever friends, and it were looked for’ard to betwixt us, as being calc’lated to lead to larks. Not but what, Pip, if you had ever made objections to the business,—such as its being open to black and sut, or such-like,—not but what they would have been attended to, don’t you see?”

“Has the boy,” said Miss Havisham, “ever made any objection? Does he like the trade?”

“Which it is well beknown to yourself, Pip,” returned Joe, strengthening his former mixture of argumentation, confidence, and politeness, “that it were the wish of your own hart.” [I saw the idea suddenly break upon him that he would adapt his epitaph to the occasion, before he went on to say] “And there weren’t no objection on your part, and Pip it were the great wish of your hart!” [67, c. 94].

82. *One person of mild and benevolent aspect even gave me a tract ornamented with a woodcut of a malevolent young man fitted up with a perfect sausage-shop of fetters, and entitled TO BE READ IN MY CELL [67, c. 98].*

83. *My only other remembrances of the great festival are, That they wouldn’t let me go to sleep, but whenever they saw me dropping off, woke me up and told me to enjoy myself. That, rather late in the evening Mr. Wopsle gave us Collins’s ode, and threw his bloodstained sword in thunder down, with such effect, that a waiter came in and said, “The Commercial underneath sent up their compliments, and it wasn’t the Tumblers’ Arms.” That, they were all in excellent spirits on the road home, and sang, O Lady Fair! Mr. Wopsle taking the bass, and asserting with a tremendously strong voice [in reply to the inquisitive bore who leads that piece of music in a most impertinent manner, by wanting to know all about everybody’s private affairs]*

that he was the man with his white locks flowing, and that he was upon the whole the weakest pilgrim going [67, c. 99].

84. *The coroner, in Mr. Wopsle's hands, became Timon of Athens; the beadle, Coriolanus. He enjoyed himself thoroughly, and we all enjoyed ourselves, and were delightfully comfortable. In this cosy state of mind we came to the verdict Wilful Murder [67, c. 124].*

85. *"Now, Joseph Gargery, I am the bearer of an offer to relieve you of this young fellow your apprentice. You would not object to cancel his indentures at his request and for his good? You would want nothing for so doing?"*

"Lord forbid that I should want anything for not standing in Pip's way," said Joe, staring.

"Lord forbidding is pious, but not to the purpose," returned Mr. Jaggers. "The question is, Would you want anything? Do you want anything?"

"The answer is," returned Joe, sternly, "No." [67, c. 128].

86. *Morning made a considerable difference in my general prospect of Life, and brightened it so much that it scarcely seemed the same. What lay heaviest on my mind was, the consideration that six days intervened between me and the day of departure; for I could not divest myself of a misgiving that something might happen to London in the meanwhile, and that, when I got there, it would be either greatly deteriorated or clean gone [67, c. 128].*

87. *"Have you thought?" said Joe. "Astonishing!"*

"It's a pity now, Joe," said I, "that you did not get on a little more, when we had our lessons here; isn't it?"

"Well, I don't know," returned Joe. "I'm so awful dull. I'm only master of my own trade. It were always a pity as I was so awful dull; but it's no more of a pity now, than it was—this day twelvemonth—don't you see?"

What I had meant was, that when I came into my property and was able to do something for Joe, it would have been much more agreeable if he had been better qualified for a rise in station. He was so perfectly innocent of my meaning, however, that I thought I would mention it to Biddy in preference [67, c. 136].

88. *He was waiting for me with great impatience. He had been out early with the chaise-cart, and had called at the forge and heard the news. He had prepared a collation for me in the Barnwell parlour, and he too ordered his shopman to "come out of the gangway" as my sacred person passed.*

"My dear friend," said Mr. Pumblechook, taking me by both hands, when he and I and the collation were alone, "I give you joy of your good fortune. Well deserved, well deserved!"

This was coming to the point, and I thought it a sensible way of expressing himself.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ В

“To think,” said Mr. Pumblechook, after snorting admiration at me for some moments, “that I should have been the humble instrument of leading up to this, is a proud reward.”

I begged Mr. Pumblechook to remember that nothing was to be ever said or hinted, on that point.

“My dear young friend,” said Mr. Pumblechook; “if you will allow me to call you so—” [67, c. 138].

89. *“This is a gay figure, Pip,” said she, making her crutch stick play round me, as if she, the fairy godmother who had changed me, were bestowing the finishing gift.*

“I have come into such good fortune since I saw you last, Miss Havisham,” I murmured. “And I am so grateful for it, Miss Havisham!”

“Ay, ay!” said she, looking at the discomfited and envious Sarah, with delight. “I have seen Mr. Jaggers. I have heard about it, Pip. So you go to-morrow?”

“Yes, Miss Havisham.”

“And you are adopted by a rich person?”

“Yes, Miss Havisham.”

“Not named?”

“No, Miss Havisham.”

“And Mr. Jaggers is made your guardian?”

“Yes, Miss Havisham.” [67, c. 142].

90. *We Britons had at that time particularly settled that it was treasonable to doubt our having and our being the best of everything: otherwise, while I was scared by the immensity of London, I think I might have had some faint doubts whether it was not rather ugly, crooked, narrow, and dirty [67, c. 147].*

91. *“I don’t ask you when you made it up, or where, or whether you made it up at all. Has Wemmick got it?”*

“Yes, sir,” said both the men together.

“Very well; then you may go. Now, I won’t have it!” said Mr Jaggers, waving his hand at them to put them behind him. “If you say a word to me, I’ll throw up the case.”

“We thought, Mr. Jaggers—” one of the men began, pulling off his hat.

“That’s what I told you not to do,” said Mr. Jaggers. “You thought! I think for you; that’s enough for you. If I want you, I know where to find you; I don’t want you to find me. Now I won’t have it. I won’t hear a word.”

The two men looked at one another as Mr. Jaggers waved them behind again, and humbly fell back and were heard no more.

“And now you!” said Mr. Jaggers, suddenly stopping, and turning on the two women with the shawls, from whom the three men had meekly separated,—“Oh! Amelia, is it?”

“Yes, Mr. Jaggers.”

“And do you remember,” retorted Mr. Jaggers, “that but for me you wouldn’t be here and couldn’t be here?”

“O yes, sir!” exclaimed both women together. “Lord bless you, sir, well we knows that!”

“Then why,” said Mr. Jaggers, “do you come here?”

“My Bill, sir!” the crying woman pleaded.

“Now, I tell you what!” said Mr. Jaggers. “Once for all. If you don’t know that your Bill’s in good hands, I know it. And if you come here bothering about your Bill, I’ll make an example of both your Bill and you, and let him slip through my fingers. Have you paid Wemmick?”

“O yes, sir! Every farden.”

“Very well. Then you have done all you have got to do. Say another word—one single word—and Wemmick shall give you your money back.”

This terrible threat caused the two women to fall off immediately. No one remained now but the excitable Jew, who had already raised the skirts of Mr. Jaggers’s coat to his lips several times [67, c. 150].

92. Both Mr. and Mrs. Pocket had such a noticeable air of being in somebody else’s hands, that I wondered who really was in possession of the house and let them live there, until I found this unknown power to be the servants. It was a smooth way of going on, perhaps, in respect of saving trouble; but it had the appearance of being expensive, for the servants felt it a duty they owed to themselves to be nice in their eating and drinking, and to keep a deal of company downstairs [67, c. 154].

93. When I had rendered homage to this light, he went on to say, in a friendly manner:—

“If at any odd time when you have nothing better to do, you wouldn’t mind coming over to see me at Walworth, ...” [67, c. 175].

94. “Well,” said Wemmick, “you’ll see a wild beast tamed. Not so very uncommon, you’ll tell me. I reply, that depends on the original wildness of the beast, and the amount of taming. It won’t lower your opinion of Mr. Jaggers’s powers. Keep your eye on it.”

I told him I would do so, with all the interest and curiosity that his preparation awakened. As I was taking my departure, he asked me if I would like to devote five minutes to seeing Mr. Jaggers “at it?” [67, c. 186].

95. “I am glad to see you, Joe. Give me your hat.”

But Joe, taking it up carefully with both hands, like a bird’s-nest with eggs in it, wouldn’t hear of parting with that piece of property, and persisted in standing talking over it in a most uncomfortable way.

“Which you have that growed,” said Joe, “and that swelled, and that gentle-folke;” Joe considered a little before he discovered this word; “as to be sure you are a honour to your king and country.”

“And you, Joe, look wonderfully well.”

“Thank God,” said Joe. [67, c. 202].

96. *“Us two being now alone, sir,”—began Joe.*

“Joe,” I interrupted, pettishly, “how can you call me, sir?”

Joe looked at me for a single instant with something faintly like reproach. Utterly preposterous as his cravat was, and as his collars were, I was conscious of a sort of dignity in the look [67, c. 205].

97. *I had not been mistaken in my fancy that there was a simple dignity in him. The fashion of his dress could no more come in its way when he spoke these words than it could come in its way in Heaven. He touched me gently on the forehead, and went out. As soon as I could recover myself sufficiently, I hurried out after him and looked for him in the neighbouring streets; but he was gone [67, c. 207].*

98. *“Pip, dear old chap, life is made of ever so many partings welded together, as I may say, and one man’s a blacksmith, and one’s a whitesmith, and one’s a goldsmith, and one’s a coppersmith. Divisions among such must come, and must be met as they come. If there’s been any fault at all to-day, it’s mine. You and me is not two figures to be together in London; nor yet anywheres else but what is private, and beknown, and understood among friends. It ain’t that I am proud, but that I want to be right, as you shall never see me no more in these clothes. I’m wrong in these clothes. I’m wrong out of the forge, the kitchen, or off th’ meshes. You won’t find half so much fault in me if you think of me in my forge dress, with my hammer in my hand, or even my pipe. You won’t find half so much fault in me if, supposing as you should ever wish to see me, you come and put your head in at the forge window and see Joe the blacksmith, there, at the old anvil, in the old burnt apron, sticking to the old work. I’m awful dull, but I hope I’ve beat out something nigh the rights of this at last. And so GOD bless you, dear old Pip, old chap, GOD bless you!” [67, c. 207].*

99. *“My dear Handel,” he returned, “I shall esteem and respect your confidence.”*

“It concerns myself, Herbert,” said I, “and one other person.”

Herbert crossed his feet, looked at the fire with his head on one side, and having looked at it in vain for some time, looked at me because I didn’t go on.

“Herbert,” said I, laying my hand upon his knee, “I love—I adore—Estella.”

Instead of being transfixed, Herbert replied in an easy matter-of-course way, “Exactly. Well?” [67, c. 227].

100. *May I ask you if you have ever had an opportunity of remarking, down in your part of the country, that the children of not exactly suitable marriages are always most particularly anxious to be married?"*

This was such a singular question, that I asked him in return, "Is it so?"

"I don't know," said Herbert, "that's what I want to know [67, c. 230]."

101. *"Living on—?"*

"On the first floor," said Herbert. Which was not at all what I meant, for I had intended my question to apply to his means. "I have never seen him, for he has always kept his room overhead, since I have known Clara. But I have heard him constantly. He makes tremendous rows,—roars, and pegs at the floor with some frightful instrument." In looking at me and then laughing heartily, Herbert for the time recovered his usual lively manner [67, c. 232]."

102. *A great event in my life, the turning point of my life, now opens on my view. But, before I proceed to narrate it, and before I pass on to all the changes it involved, I must give one chapter to Estella. It is not much to give to the theme that so long filled my heart [67, c. 275]."*

103. *She was even more dreadfully fond of Estella than she had been when I last saw them together; I repeat the word advisedly, for there was something positively dreadful in the energy of her looks and embraces. She hung upon Estella's beauty, hung upon her words, hung upon her gestures, and sat mumbling her own trembling fingers while she looked at her, as though she were devouring the beautiful creature she had reared [67, c. 277]."*

104. *"Estella who?" said I.*

"Never you mind," retorted Drummle.

"Estella of where?" said I. "You are bound to say of where." Which he was, as a Finch.

"Of Richmond, gentlemen," said Drummle, putting me out of the question, "and a peerless beauty."

Much he knew about peerless beauties, a mean, miserable idiot! I whispered Herbert.

"I know that lady," said Herbert, across the table, when the toast had been honoured.

"Do you?" said Drummle.

"And so do I," I added, with a scarlet face.

"Do you?" said Drummle. "O, Lord!"

This was the only retort—except glass or crockery—that the heavy creature was capable of making; but, I became as highly incensed by it as if it had been barbed with wit, and I immediately rose in my place and said that I could not but regard it as being like the honourable Finch's impudence to come down to that Grove,—we always talked

about coming down to that Grove, as a neat Parliamentary turn of expression,—down to that Grove, proposing a lady of whom he knew nothing. Mr. Drummle, upon this, starting up, demanded what I meant by that? Whereupon I made him the extreme reply that I believed he knew where I was to be found [67, c. 283].

105. I tell this lightly, but it was no light thing to me. For, I cannot adequately express what pain it gave me to think that Estella should show any favour to a contemptible, clumsy, sulky booby, so very far below the average. To the present moment, I believe it to have been referable to some pure fire of generosity and disinterestedness in my love for her, that I could not endure the thought of her stooping to that hound. No doubt I should have been miserable whomsoever she had favoured; but a worthier object would have caused me a different kind and degree of distress [67, c. 284].

106. He held on, in a dull persistent way, and Estella held him on; now with encouragement, now with discouragement, now almost flattering him, now openly despising him, now knowing him very well, now scarcely remembering who he was [67, c. 284].

107. “But, Estella, do hear me speak. It makes me wretched that you should encourage a man so generally despised as Drummle. You know he is despised.” [67, c. 285].

108. ‘she throws away her graces and attractions on a mere boor, the lowest in the crowd.’ [67, c. 286].

109. “Oh! don’t be so proud, Estella, and so inflexible.” [67, c. 286].

110. It was wretched weather; stormy and wet, stormy and wet; and mud, mud, mud, deep in all the streets [67, c. 287].

111. My attention was so attracted by the singularity of his fixed look at me, that the words died away on my tongue [67, c. 290].

112. “Yes, Pip, dear boy, I’ve made a gentleman on you! It’s me wot has done it! I swore that time, sure as ever I earned a guinea, that guinea should go to you. I swore arterwards, sure as ever I spec’lated and got rich, you should get rich. I lived rough, that you should live smooth; I worked hard, that you should be above work. What odds, dear boy? Do I tell it, fur you to feel a obligation? Not a bit. I tell it, fur you to know as that there hunted dunghill dog wot you kep life in, got his head so high that he could make a gentleman,—and, Pip, you’re him!” [67, c. 293].

113. “And then, dear boy, it was a recompense to me, look’ee here, to know in secret that I was making a gentleman.” [67, c. 295].

114. ‘He was a convict, a few year ago, and is a ignorant common fellow now, for all he’s lucky,’ what do I say? [67, c. 295].

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ В

115. *No wisdom on earth could have given me the comfort that I should have derived from their simplicity and fidelity; but I could never, never, undo what I had done* [67, c. 297].

116. *When I awoke without having parted in my sleep with the perception of my wretchedness, the clocks of the Eastward churches were striking five, the candles were wasted out, the fire was dead, and the wind and rain intensified the thick black darkness* [67, c. 298].

117. *But to give it you short and handy, I'll put it at once into a mouthful of English. In jail and out of jail, in jail and out of jail, in jail and out of jail. There, you've got it* [67, c. 315].

118. *“So fur as I could find, there warn't a soul that see young Abel Magwitch, with us little on him as in him, but wot caught fright at him, and either drove him off, or took him up. I was took up, took up, took up, to that extent that I reg'larly grow'd up took up.”* [67, c. 316].

119. *He'd no more heart than a iron file, he was as cold as death, and he had the head of the Devil afore mentioned* [67, c. 317].

120. *Having thus cleared the way for my expedition to Miss Havisham's, I set off by the early morning coach before it was yet light, and was out on the open country*

ОКОНЧАНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ В

road when the day came creeping on, halting and whimpering and shivering, and wrapped in patches of cloud and rags of mist, like a beggar [67, с. 323].